

Даниил Кокшаров

Истории Мангуша

Сборник рассказов

нет добра, нет зла,
есть только выбор
и его последствия

Представь, что ты всю жизнь борешься, чтобы стать кем-то значимым, чтобы тебя любили и уважали. И в какой-то момент тебе выпадает шанс приблизиться к своей цели.

Эта цель так близка, почти осязаема. Все трудности, все препятствия на пути кажутся мелочью.

Но...

Всё, чего ты так желал, оказывается ложью.

Глава 1

Амос, протирая ещё не успевшие открыться глаза, спешно ковылял к двери. До рассвета было далеко. Кто посмел вытащить его из кровати в столь поздний час?

— Иду, иду! — проворчал Амос.

На пороге стоял мальчишка-беспризорник, один из тех, что часто околачиваются подле заведений в надежде выпросить одну-две монеты. Своим звонким голосом он, словно сторожевой пёс, вырвал Амоса из объятий сна. Но из-за шепелявости, которая была неотъемлемой частью паренька, разобрать, что он сказал, было крайне трудно.

— Гошшшт, путник шдёт ваш! Быштрей! Быштрей! — тараторил юнец.

Из беглого рассказа стало понятно, что визит связан с письмом из Канцелярии. Через пару дней Амос должен был встретить в таверне нового послушника и помочь с переправой на Мерцающий остров. Причина, по которой сроки изменились, породила вопросы.

Он спешно засобирался. Заставить неумолкающего гонца разговаривать потише было невозможно. От шума пробудилось всё семейство. Супруга с заспанным лицом и взъерошенными волосами выглянула из соседней комнаты.

— Что там, милый? Пожар? — голос супруги сливался с плачем детворы.

Глава семейства оставил жену без ответа и продолжил рыться в сундуке, хранящем в себе все ценности семейства. Спустя мгновение затерявшиеся письма были у него в руках. Стрелой он ринулся наружу, оттолкнув парнишку, преградившего ему дорогу.

— А деньги? — не получив оплату своих трудов, отчаянный малец метнул в спину убегающего небольшой камень. Снаряд просвистел рядом с ухом, лишив цель поближе познакомиться с обидой парнишки.

Амос обладал врождённым косолапием, вызывающем улыбку у прохожих. Когда он ускорялся и переходил на бег, улыбка на лицах становилась смехом. К счастью, ночь уже успела прогнать большинство обитателей рыбацкого городка в свои постели. Он бы и сам с большой охотой нежился сейчас под мешковидной тряпкой, которую гордо называл одеялом, но обязанности заставили его забыть о своих мечтах.

Прежде, чем пуститься на поиски, следовало спросить, в какой именно таверне состоится встреча. Как же можно быть таким рассеянным, корил себя Амос? Он оглянулся в надежде увидеть парнишку. Тщетно.

В небольшом городе было всего три таверны. Первой двери распахнула “Удача рыбака”. Самая приличная, по его мнению. Хотя дело было не в приличии. “Удача” просто находилась ближе всего. В любой забегаловке всегда бывали одни и те же люди: моряки, напившиеся от счастья при успешном улове, либо, наоборот, заливающие алкоголем своё разочарование от зря прожитого дня.

В “Родном берегу” гостя тоже не оказалось.

— Да чтоб тебя! — выругался Амос. Изможденные мышцы были на грани возможностей и вот-вот готовились пронзить болью своего владельца.

Он схватился за колющий бок и присел у выхода, чтобы восстановить дыхание. Пухленькая официантка окинула его игривым взглядом, предав отчаявшемуся свежих сил. Амос улыбнулся в ответ.

Последний рывок был самым трудным. К тому моменту, как он нашёл вход, сердце колотилось, как бешеное, грудную клетку при каждом вздохе пронизывала боль.

“Каторжник” находился на окраине. Пристанище угрюмых душ, что топят самое ценное в жизни на глубине грязных стаканов с паршивым элем.

Амос старался избегать таких мест. Что может привлечь сюда хорошего семьянина? Если и захотелось расслабиться, лучшего места, чем дом, не найти. Там супруга и уложит, и приберёт за тобой. Карманы твои никто не обчистит. Да и пробуждение будет не под открытым небом. Единственное, что не стоит забывать — праздник хорош, если длится не более дня. Эти простые правила помогали сохранять семейный уют.

Свет из распахнувшейся двери иголкой вонзился в привыкшие к сумраку глаза. Спустя несколько мгновений Амосу удалось разглядеть убранство таверны: просторная зала; по периметру расставлены столы с лавками; воняет рыбой и теми, кто её выловил. Несмотря на поздний час, посетителей было достаточно. Большинство из них были обычными работягами, но в дальнем углу, у лестницы на второй этаж, расположился не типичный для таких мест посетитель. Амос направился к его столу.

Одежда гостя была простой, но практичной и качественной. То, что нужно для дальних путешествий. Длинный плащ с капюшоном, накинутый поверх рубахи, защищал своего владельца от проливного дождя. На ногах — плотные штаны и сапоги с высоким голенищем. В отличие от остального убранства, их состояние было плачевным. Выцветшая от солнца кожа уже успела покрыться трещинами, образующими замысловатую паутину по всей поверхности.

Амос сделал вывод, что путник чаще ночевал под крышей, нежели на открытом воздухе, что и позволило сохранить верхнюю часть гардероба. Но путь он преодолел пешком, а не в седле, и вся тяжесть дорог пришлась именно на его обувь.

Подойдя ближе, Амос разглядел юношу, лет восемнадцати, высокого, худощавого. Лицо вытянутое с острыми скулами и пухлыми губами. Над карими глазами, словно тучи, нависали тяжёлые брови. Волосы, подстриженные под горшок, выдавали в нём младшего церковного служителя, что укрепило уверенность в том, что сидевший напротив именно тот, с кем Амос должен был встретиться.

— Позвольте? — не дождавшись ответа, Амос схватил кружку.

— Но... — оторопел юноша.

Жажда, так долго мучившая Амоса, исчезала вместе с содержимым. Громко выдохнув и утерев остатки эля с губ, он опустился за стол.

— Вы словно Спаситель, дарующий милость нуждающимся!

— Чего? — не в силах оправиться от такой наглости, негодовал собеседник.

— Я говорю, ваш эль стал для меня спасением.

— Но это был мой эль!

— Позвольте представиться. Амос.

— Какое мне дело до вашей жажды? — упустив последние сказанные ему слова, всё больше заводился гневом посетитель. — Либо вы пытаетесь исправить содеянное покупкой нового эля, либо стража узнает о вашей краже!

Амос не хотел привлекать лишнего внимания, поэтому нужно было смягчить ситуацию.

— Хорошо, хорошо, Торен. Я куплю вам лучшего эля в здешней таверне, только прошу, потише.

— Лучшего?! Так это и было... — оборвав себя на полуслове, вскочивший юноша стал медленно опускаться на скамью. — Откуда вы знаете моё имя?

— Ну, скажем так, жажда возникла не на пустом месте. Меня вытащили из кровати, и я

изо всех ног кинулся сюда. Причиной этому были вы.

— Так вы тоже служитель Церкви?

— Что вы? Нет!. Я просто неравнодушный человек, искренне верующий в Спасителя. И да, я иногда выполняю нехитрые поручения во благо Его имени.

— С чего бы Церкви просить помощи у такого, как вы? Разве местный пастырь не в состоянии справиться с этим? — лицо Торена стало серьёзным от высказанных им домыслов. — Знаете, у меня нет ни единого повода вам верить. Думаю, наш разговор стоит считать оконченным.

— Ваша правда. Верить первому встречному без доказательств опрометчиво. — порыскав в карманах, Амос достал бумажный свёрток и протянул его Торену. — Надеюсь, это письмо развеет столь справедливое недоверие к моей персоне.

Письмо было нетронутым. Торен надломил печать и развернул пергамент. Глаза быстро забегали по написанным строкам.

— Знаете, письмо не вызывает сомнений в его подлинности. Но к чему эта скрытность в столь обыденном деле? — Торен нахмурился.

Амос не терпел лжи. Он предпочитал недоговаривать или умалчивать о чем-либо. Так и сейчас, предчувствуя неудобные для себя вопросы, он стал разыгрывать свой любимый трюк.

— Я отвечу на всё, что вас интересует, но потом. Нужно торопиться. Времени в дороге будет достаточно.

— Но как же мой ужин? И почему не дождаться рассвета?

— В иных обстоятельствах я, несомненно, бы с вами согласился. А сейчас я попрошу у Грена бурдюк лучшего пойла в дорогу. Уверен, он не откажет. Моя жена часто выручает его своими травами. Не знаю, зачем они ему, может, встряпню добавляет.

Амос встал из-за стола.

— Встретимся у входа. И прошу, поторопитесь.

— Тогда оплатите ещё и мой ужин.

Амос удивился наглости юноши, но ничего не ответил и направился к бармену.

Звук шаркающих ног снова наполнил улочки спящего города. Спутник шёл чуть позади, и Амос готов был поклясться, что слышит его недовольное сопение.

— Так что насчёт ответов? — прервал молчание Торен.

— Тише! Говорите как можно тише! — вот и настало время расспросов. — Что именно вас интересует?

Торен приблизился вплотную.

— К чему такая спешка? От кого или чего мы скрываемся? Кто вы и как начали работать на Церковь?

Амос решил, что лучше начать с последнего вопроса.

— Что же, начну с начала. Как меня зовут, вы уже знаете — Амос. Говорить полное имя смысла не вижу, я не из знатного рода. Семья у нас обычная: отец, мать и пятеро братьев. Я старший. Но наперекор судьбе и обычаям стал самым бедовым. — усмехнулся от нахлынувших воспоминаний Амос. — Отец был главным плотником на лесопилке близ города Генлтор. Я совершенно не смыслил в этом деле. Все его старания попросту разбивались о меня, будто волны о камень. Но отец не мог изменить своим простым принципам — сын должен быть под стать отцу. Если родитель рубает топором, то и отпрыски должны делать то же самое. Понятно, что со временем ссоры из-за этого стали преобладать в нашем доме. Но моя мать, да дарует ей Спаситель здоровья и долгих лет,

всегда меня оберегала.

Под неспешный рассказ они прошли главную площадь. Впереди должны были появиться городские ворота.

— Мама у меня очень верующая. Она брала меня на все службы. Хоть отец и не одобрял такую набожность, возражать жене не мог. Однажды она рассказала о своих тревогах пастырю. Через какое-то время Святая Церковь приняла надо мной покровительство. Тогда я гневался, но теперь я понимаю, почему мать так поступила и... в общем не важно.

Торен всё время молчал.

— Закончить обучение я так и не смог. — продолжил Амос. — Причиной тому стала любовь. Я не про любовь к Церкви, как вы понимаете, а про нашу, земную любовь к женщине. — улыбка украсила его лицо. — Вы были влюблены, Торен?

— Нет, моя любовь полностью принадлежит Спасителю.

— Звучит как заученный текст для ответа на школьном уроке. Знаете, а я вот всей душой желаю каждому испытать такие же высокие чувства, что вспыхнули между мной и Гремой. Она пленила, а скорее я сам пленился её красотой и обаянием. В тот самый день, впервые заметив её на рыночной площади, я понял, что моя свобода больше мне не принадлежит.

Наконец, они дошли до ворот. Одна из створок была приоткрыта.

— Сейчас мы будем проходить стражу. Прошу вас, Торен, просто помолчите. Разговаривать буду я.

Амос, надеясь на послушание своего спутника, выпрямился и деловито зашагал вперёд.

— Кто идёт? Отзовись! — раздался голос утомившегося стражника.

— Ты разве не видишь? — отозвался Амос

— Тебя-то я всегда узнаю по твоей медвежьей походке. Я про него. Кто это?

— Рад, что ты меня узнал, правда, уточнить, как именно, было не обязательно.

Амос подошёл ближе. На посту стоял Шент — туповатый, но добродушный парень. Повезло.

— Я спросил, кто это? — повторил Шент.

— Это? Так брат же мой.

— Не знал, что у тебя есть брат.

— Неудивительно. Он здесь проездом. Заскочил, чтобы повидать меня.

Он обменялся со стражником ещё парой несвязанных между собой фраз. Когда беседа была закончена, Амос и Торен пошли дальше. Ворота остались позади.

— Так на чём я остановился? Ах да, Грема! Просто потряса...

— Ты обманул его. — бесцеремонно перебил Торен.

— Кого?

— Часового. Ты сказал ему, что я твой брат.

— Да, сказал. Но где же здесь обман?

— Ещё час назад я знать тебя не знал.

— Я не обманываю людей. — спокойно ответил Амос.

— Я не брат тебе!

— Брат. По вере.

— Это не одно и то же.

— А это так важно?

— Но он-то подумал о кровном родстве.

— Да и шут с ним. — парировал Амос. — Какое нам дело, о чём он подумал? Главное,

что мы вышли из города, можем продолжить свой путь и перестать шептаться. — он достал бурдюк, сделал пару глотков и протянул Торену.

— Что это?

— О, чудесный напиток! Попробуйте.

— Нет, спасибо.

— Зря. Но дело ваше.

— Вы лучше расскажите, к чему такая скрытность?

— Но я ещё не закончил рассказ о себе.

— Опустим это. Услышанного мне вполне достаточно.

— Хорошо. Меры предосторожности вызваны историей этих мест. Зим так восемь назад тут случился пожар. Слава Спасителю, обошлось без жертв, но вот церковь сгорела полностью. Случай, стечение обстоятельств, чей-то злой умысел? Не важно. Храм отстроили. Он стал больше, богаче и красивее. Правда, с новым храмом случилось то же самое. Так ещё и после первой службы, проведённой в нём. К утру осталось лишь пепелище. Молва тут же разнесла по городу, что всему виной проклятье. Все беды потом ему приписывали. Болтали, что Спаситель покинул это место из-за грехов тех, кто нёс Его слово людям. Народ у нас простой, легко верят в рассказы тех, кто умеет правильно говорить. Я их за это не виню. Нужные слова да в нужные уши. В итоге народ ополчился на служителей Церкви, а те, боясь за свои жизни, просто сбежали.

— Но вы решили остаться, так?

— Я? О, нет. Мы тут оказались куда позже тех событий. Народ уже подостыл, и нашу семью приняли без проблем. Признаюсь, мне самому стало страшно от всех этих рассказов о высшей силе, ополчившейся на наших с вами братьев. Но я не смог найти злой умысел в событиях, что сподвигли Церковь к таким кардинальным решениям.

— Тогда к чему все эти ухищрения? Не понимаю.

— Эх. — выдохнул Амос. — Если вы позволите, я продолжу, и тогда, быть может, причины такого поведения станут для вас очевидны.

— Прошу. Продолжай.

Амос уловил нотки гнева в последних словах Торена. Да, молодость не терпит порицаний со стороны.

— Я считал те события случайностью, но вот Церковь относилась к ним совершенно иначе. Однажды в мой дом постучал ничем непривлекательный человек. Таких много можно встретить на трактах, бродячих от одного города к другому. Отец Грен, так он себя назвал в тот день. Соблюдая заповеди Спасителя, мы с женой тут же предложили разделить с нами трапезу. Паломник, подумали мы. И представьте наше удивление, когда мы узнали, что именно я стал причиной его странствия. Но стоило ему поведать цель своего визита и причины, по которым ваш скромный слуга понадобился делу Спасителя, как во мне пробудился тот самый страх, рожденный от крестьянской молвы о проклятии.

— Но кто решится пойти против Церкви столь богобоязненными делами?

Амос лишь пожал плечами и ненадолго погрузился в раздумья.

— Став глазами Церкви, смог заметить, что беды нашего городка были не единственными, что обрушились на графство. Где-то целыми полями гнил урожай, где-то падал скот, рыба, обильно водившаяся в здешних прудах, всплывала кверху пузом. Люд сразу начал винить в этом Церковь. Стоило ей уйти, как несчастья прекращались.

Но вот что было особенно интересно. Недалеко от нас есть деревушка. Там стояла

часовня, в которой служил Экрот. Его паства всегда отличалась особо сильной верой. Несмотря на все беды вокруг, в их деревне всё было хорошо.

Я собрался навестить его лично и убедиться в силе этих слухов. По прибытию я узнал ужасную весть. Экрот лишился рассудка и перестал узнавать людей. Его безумные глаза словно лишились способности моргать, а уста изрекали лишённые всякого смысла бормотания. Как могло такое случиться с мудрейшим человеком?

— А что он говорил?

— Разобрать мне удалось не так много. Говорил Экрот о грядущем, и оно его пугало. Пугало так, что лишило беднягу рассудка. Мудрость и безумие, словно две сестры, идут рука об руку.

Молчание окутало бредущих по петляющей, натопанной дороге. Амос резко остановился, отчего Торен чуть было не врезался носом в его мокрую от пота спину.

— Пришли!

— Куда?

Амос осмотрелся по сторонам и с опаской ответил:

— К моим старым знакомым. Они помогут тебе добраться до Острова. Но будь осторожной, братья нервные и не любят посторонних. — помедля немного, Амос добавил. — Хотя, лучше тебе остаться здесь.

— Может, лучше пойти вдвоём?

— Видишь ли, Нед, старший, как видит незнакомца, так сразу норовит выпустить в него арбалетный болт. Так что лучше спрячься в кусты и жди. А я пойду осмотрюсь.

Торен спорить не стал. Видимо, мысль о кончине отрезвляюще подействовала на него.

Неспешно Амос приблизился к ветхому забору, ограждающему двор. Интересно, на что они тратят деньги от своего промысла? Услуги контрабандистов стоят не мало, а дом выглядит так, словно того и гляди развалится.

Скрип петель открывающейся калитки прокатился по двору и потревожил лошадей.

— Чтоб тебя! — сорвалась с губ любимая фраза Амоса.

Поборов свою нерешительность, он направился к крыльцу. Первым делом он заглянул в оконный проём. Внутри было темно, увидеть что-то было невозможно. Амос подошёл к двери и постучал. Тишина. А что если их нет дома? Эта мысль ему не понравилась.

— Нед! Нел! Вы дома? — он дёрнул за ручку. Заперто.

— Прекрати! — в окне показался силуэт Неда. — Не двигайся!

— Нед, ты чего?

— Ничего. Просто мой арбалет смотрит на твоё сердце. — фраза звучала спокойно и даже отчуждённо.

— Но это же я, Амос.

— Тебя знаю. Второго — нет.

— Второго?

— Не играй со мной, служка церковная.

— Да постой ты. Он со мной.

— А может, это ты с ним, а не он с тобой?

— Прошу, опусти арбалет и дай всё объяснить.

— Пусть покажется, а потом я решу, что делать.

— Хорошо. Только не стреляй. — Амос обернулся и громко крикнул своему спутнику. — Торен иди сюда. Только медленно.

Дважды просить не пришлось. Торен исполнил указание и неспеша направился к крыльцу. Вслед за ним из кустов показалась ещё одна фигура. Это был Нел.

— Нед, послушай. — справиться в волнении Амосу оказалось непросто. — Егс прислала Церковь, и если с ним что-то случится, то нам с тобой не сыскать потом своих голов.

— Чихать я хотел!

— Но ты обязан. Забыл, кто вытащил вас из петли?

— Я уже сполна выплатил долг. — сухо ответит контрабандист.

— Выслушай меня, прошу.

— Выкладывай. И не пытайся солгать. Моя тетива дрожит и вот-вот сорвётся.

Амос полностью рассказал свою историю, начиная с паршивца, разбудившего его сегодня. Ответа не было. Лишь через несколько минут скрежет от спадающего засова прервал тревожное ожидание. Дверь распахнулась и перед ними оказался мужчина, средних лет, жилистого телосложения. Суровый взгляд упёрся в незванных гостей. Арбалет был опущен.

— Будем считать, что ты говоришь правду.

— Конечно...

— Но это не означает, что мы будем помогать.

— Ты не посмеешь.

— Иначе что? — словно грозовая туча повис над Амосом контрабандист.

— Послушай, ты же умный человек. — робко попытался возразить Амос. — Разве последствия твоего отказа от такой пустяковой просьбы будут соизмеримы с теми последствиями, когда Церковь и сам Спаситель отвернутся от нас? Разве мы не сможем договориться прямо сейчас?

Долго они стояли на пороге старого покосившегося дома, обсуждая цену предстоящей услуги. Нед не хотел уступать, но Амос своим природным умением сглаживать острые углы смог-таки добиться от него согласия. Цена оказалась на пару монет больше, чем ему обычно платили за каждую переправу до острова, чтобы доставить настоятелю почту и припасы.

После недолгих приготовлений все четверо уже стояли на песчаном берегу. Братья спустили лодку на воду. Нел мастерски запрыгнул в неё, расположился на корме, проверил вёсла и начал готовиться к дальней дороге по морской глади. Амос стоял напротив Торена, провожая его в путь.

— Рад был познакомиться, Торен. — протянул он руку для рукопожатия.

— Спасибо за помощь. Жаль знакомство было столь скоротечным. У меня осталось ещё столько вопросов. — пожав руку, с горечью ответил Торен.

— Боюсь, времени на них уже нет.

— Нужно торопиться. Прыгай в лодку, юнец. — вмешался Нед.

Образ вздымающейся лодки быстро удалялся от берега, становясь всё меньше и меньше, пока пока не растворился в тумане.

Силы покидали Амоса, и ноги, словно, заколдованные несли его обратно к семье. Одна мысль не давала ему покоя. Он знал, что выполняя поручение, обрекал молодого послушника на страдания. А как иначе? Быть пастырем своего прихода — это большая честь для любого служителя. Но только не здесь, не на этом острове. Да что там остров? Во всех здешних землях творится не пойми что. Совпадение или закономерность? Раньше он думал, что всё это случайности, и события не были связаны между собой. Но после долгой дороги слова,

сказанные Торену, заиграли в его душе новыми красками. Нет, тут явно что-то происходит.

— Милый, с тобой всё в порядке? — знакомый голос Гремы пробудил его от мороки раздумий.

— И да, и нет. — сухо ответил Амос.

Он уже дома. Сидит за семейным столом. За окном слышатся счастливые голоса ребятишек, играющих во дворе.

— Ты какой-то мрачный. — супруга запрокинула полотенце на плечо и села за стол.

Как он оказался дома, растерялся Амос? Попытка вспомнить принесла лишь боль в его голове. Видимо, усталость так сильно навалилась на него, что восприятие прожитых часов исказилось.

— Меня не покидает чувство вины и страха. Страх от грядущего. — последние слова пробудили образ Экрота. Тело похолодело и покрылось мурашками.

— Ты просто устал, дорогой. — Грема обняла его и нежно поцеловала в щёку. — Иди ложись. Сон лечит не только тело, но и душу.

— Ты права, любовь моя.

Поцеловав её, Амос вернулся в свою кровать. Веки медленно опускались, погружая его во тьму, что так нежно обволакивала его сознание и растворяла в самом себе.

Переправа до Мерцающего Острова не занимала много времени, но Торену казалось, что прошла целая вечность с того момента, как они отчалили из рыбацкого городка. Неизменный пейзаж лишь усиливал это ощущение. Вокруг стоял густой туман. Гладь воды была практически зеркальной, отражая серую мглу. Лишь волны, исходящие от их лодки, давали понять, что они двигались по морю, а не плыли в облаках.

— Далеко ли ещё? — спросил будущий настоятель.

Нел в ответ отрицательно покачал головой.

Торен сидел в задней части их древней посудины и пытался разглядеть хоть что-нибудь. Мысль о том, что он может погибнуть, натолкнувшись во мгле на подводные скалы, и стать кормом для рыб, не оставляла его. Лодочник, по-видимому, не разделял его опасений. Он спокойно курил трубку, дым которой тут же растворялся, и умело вёл свой “корабль” к месту назначения, будто бы не замечая окутавшей их пелены.

— Никогда не видел такого тумана, — пытался хоть как-то завязать разговор Торен, — Невероятно!

Кроме короткого "угу" он ничего так и не услышал. Эта фраза оказалась самой длинной, которую Нел произнёс с самого начала их немого путешествия. Он не был расположен к беседе, и всякий раз, когда пассажир к нему обращался, всем видом давал понять, что желал бы везти не его, а мешки с провизией, которые не надоедали бы бесконечными разговорами.

Начав сомневаться, что их путь когда-нибудь закончится, Торен вдруг увидел в небе тусклый луч света. Странно. Это не могло быть солнце — слишком рано. Звезды? Нет, вокруг туман. Луч словно плясал в воздухе, становясь то сильнее, то снова замедляя свой танец. С каждым взмахом вёсел свет всё больше наполнял серую картину своими тёплыми оттенками.

— Что это? — спросил Торен. Ответа он не дождался. Вопрос, как ему показалось, он задал самому себе. Контрабандист лишь на мгновение обернулся в сторону света и вновь продолжил свою работу.

Вскоре лодка начала замедлять свой ход. Они приближались к острову. Уже можно было разглядеть его очертания. Стало ясно, что свет исходил от маяка, который находился в восточной части Острова.

От внезапного толчка Торен чуть не упал. Прибыли.

— Это точно то место? Вы не ошиблись? — спросил он у Нела.

Утвердительный кивок головы дал понять, что они там, где нужно.

Никакого причала у берега не было, поэтому пришлось выбираться из лодки прямо в грязь. По колено испачкавшись, Торен начал доставать из лодки свою скромную поклажу.

— Хорошо, — но ничего хорошего он пока не видел. — А как добраться до обители?

Лодочник указал на тропу, поднимающуюся от берега и ведущую в сторону маяка, и начал разворачивать лодку, чтобы отправиться в обратный путь. Наконец-то, он распрощается с этим назойливым святошей.

— Да хранит вас Спаситель, — произнёс утомившийся Торен.

Нел ответил ему смачным харчком в воду, оттолкнулся вёслами от берега и через секунду исчез в серой дымке. Торен остался один со своим мешком, на незнакомом острове, без денег и весь в грязи.

— Ничего, осталось совсем немного, — вслух проговорил свои мысли Торен.

Ночная тьма еще главенствовала вокруг, но она уже начала уступать своё место надвигающемуся новому дню. Небольшая лагуна как нельзя лучше расположилась у каменистого основания острова. Вода, накатываясь небольшими волнами, омывала песчаный берег, что раскинулся на несколько сотен метров. Справа от него резко уходила ввысь скала, напоминающая небольшой городок. Правда, жителями в нём были не люди, а птицы, построившие свои дома в расселинах и откосах крутого обрыва.

На противоположной стороне виднелось единственное место с пологим подъёмом, по которому можно было взобраться. Торен направился туда. Каждый шаг давался с трудом: ноги тонули в остывшем за ночь песке; мелкие ракушки то и дело врезались в его стопы. Но самым трудным оказалось не добраться до конца пляжа, а вскарабкаться наверх по каменистому холму.

Поверхность склона, впитав в себя утреннюю влагу, превратилась в грязь и стала очень скользкой. Мешок за плечами, нагруженный церковной утварью и одеждами, постоянно пытался утащить его назад. И если бы не кусты и корни, торчащие из земли, то кто знает, сколько раз пришлось бы Торену начинать своё восхождение, вновь и вновь скатываясь к подножию холма. Наконец, высота была взята. Уже наверху, изнемогая, он на четвереньках отполз от края, лёг на спину, и долго не мог восстановить дыхание. Грудная клетка то поднималась, пытаясь вобрать в себя как можно больше свежего воздуха, то опускалась, освобождая место для новой порции живительной прохлады. Трудно было сказать, сколько он так пролежал, но восстановив дыхание и утихомирив звонкий гул в висках, Торен заставил-таки свои ноги вновь держать его.

То, что предстало пред его взором, оказалось самым прекрасным зрелищем за долгое время пути. Утренний туман практически растворился, оставив после себя лишь пушистое одеяло, тонким слоем покрывающее землю. Ровная, высокая трава, раскинувшись во все стороны, блестела каплями росы. Полевые цветы с закрытыми бутонами встречали первые лучи солнца вместе с гостем, распускаясь с каждой минутой. Редкие деревья, штрихами искусного художника, дополняли живописную картину. На горизонте, там где небо соединяется с морской гладью, Торен увидел огненный шар, медленно поднимающийся из воды и разгоняющий мглу. Далеко на востоке величественной стеной, ограждая остров от остального мира, раскинулись горы. Казалось, что их острые пики пытаются разодрать когтями проплывающие над ними облака.

Вид был прекрасный, но до храма оставалось ещё далеко. Наверное, добраться получится лишь к вечеру, подумал Торен. Поэтому нужно было продолжать путь, несмотря на всё желание остаться здесь как можно дольше. Насладившись пейзажем, он забросил мешок на плечо.

Ведомый маяком, свет которого ослабевал по мере того, как солнце поднималось всё выше, Торен спешно направился к обители. Несколько раз тропинка терялась среди зелени и невысоких холмов. Видно было, что по ней ходят нечасто. Спустя пару часов он увидел вдалеке покосившийся, почти полностью скрытый в кустах столб. На некотором расстоянии от него — ещё один. За ним — третий. Торен ускорился.

Тропинка выходила на дорогу, ведущую от гор в сторону храма. Две узкие колеи, обрамлённые с обеих сторон остатками забора, змеями тянулись к маяку, огибая природные препятствия. Тревога отступила, когда он понял, что столбы, сперва показавшиеся виселицами, были не местом упокоения преступников, а осветительными сооружениями.

Правда, огонь в фонарях, судя по всему, не зажигался очень давно.

Несмотря на то, что шествие продолжалось уже довольно долгое время, его цель не приблизилась ни на метр. Маяк светил всё также далеко. Поэтому Торен испытал чувство, хоть и небольшой, но победы, когда ступил с тропы на дорогу.

Дневная жара отступила вслед за начавшим снижаться солнцем. Солоноватый, морской ветерок приятно освежал. Но сил уже почти не осталось. Тело просило прилечь. Ноги гудели. Заплечный мешок, натерев кожу под мантией до красноты, казался нагруженным камнями. Необходимо было сделать привал. Местом отдыха он выбрал старую телегу, лежащую на обочине без колёс. Вероятно, её бросили, когда стало понятно, что ремонту она не подлежит. Торен расположился так, чтобы тень от телеги могла спрятать его от солнечных лучей. Он разложил на траве еду, благодушно предоставленную ему трактирщиком, и приступил к своей скромной трапезе. Закончив, Торен прильнул к борту телеги и закрыл глаза.

Он быстро падал. Внизу было бескрайнее море, окутанное темнотой ночи. Но вокруг не было ни звёзд, ни облаков, лишь непроглядная мгла. Единственным ориентиром была маленькая светящаяся точка внизу. Она быстро увеличивалась.

Из тьмы показались очертания острова: песчаная лагуна, горы, поля диких цветов. Знакомые места. С такой высоты всё казалось крошечным.

Земля стремительно приблизилась. Он выставил руки вперёд в надежде таким образом спастись. Пейзаж вокруг наполнился светом. Торен не упал и не разбился. Он завис над очень знакомым местом, хоть никогда его не видел. Было холодно.

Волны разбивались о скалы, пенились, выли, словно испытывали боль. В самой высокой точке этой части острова стоял маяк с деревянной пристройкой. Остальной остров будто бы перестал существовать. Видимым остался лишь небольшой клочок земли, который был наполнен светом маяка. Земля вокруг была усыпана похожими на разбросанные семена подсолнуха холмиками. Они двигались: рассыпались, собирались вновь, исчезали и появлялись. Могилы.

Среди них он увидел человека.

— Эй! — крикнул Торен. — Вы меня слышите?

Слова застряли внутри на мгновение, перемешались и вырвались, отразившись от стен мрака. Тысячекратно усиленные, это были не его слова, не его голос, не его тело. Это был не он.

Человек внизу ничего не слышал. Он крепко спал. Рядом из земли торчала лопата. Сосуды с красной жидкостью разбросаны вокруг. Пьяный, весь в грязи — его не было жалко.

Маяк угасал. Тьма наступала. Там где она побеждала свет и касалась захоронений возникали тени. Наполненные злобой, ненавистью, неутолимым голодом, они тянули свои мерзкие руки к лежащему на земле человеку. Он их не видел, даже не подозревал об их присутствии.

— Осторожно! Проснись! Вставай! — пытался разбудить его Торен, но голос был похож скорее на карканье ворона.

Он попытался снизиться. Ночь будто сковала его конечности, не давая пошевелиться. Он повернул голову. Крылья! Они черные, словно уголь, покрыты перьями.

— Ка-а-а-ар! — он хотел крикнуть "Нет".

Кто-то резко дернул его за ногу — точнее за лапу, — потянув обратно вверх. "Но ещё

рано, нужно спасти того человека". Ещё один рывок. "Подождите". Следующий. "Отпусти!" Попытался отмахнуться, но в миг он снова улетел ввысь...

Торен быстро проснулся. Ногой он угодил в бок стоящему рядом облезшему псу. Тот выпустил из пасти снятый с Торена сандаля и зарычал, оскалив зубы. Грязная шерсть встала дыбом. Всем своим видом пёс давал понять, что отступать не собирается.

— Отойди! — крикнул Торен и судорожно принялся ощупывать землю вокруг в надежде найти, чем защититься.

В руке оказалась деревянная доска. Он махнул ей, пытаясь отогнать своего противника. Торен не хотел причинять ему боль, но и быть съеденным грязным, бродячим псом тоже не хотелось. Пёс, увернувшись от удара, отпрыгнул назад и бросился на Торена. Целью было горло молодого настоятеля. Торен свободной рукой, с удивительной даже для себя силой, оттолкнул налетевшего на него пса, быстро поднялся и замахнулся доской второй раз. Более удачно. Доска, достигнув цели, сломалась о спину твари. Визг наполнил воздух. Пёс, поджав хвост, устремился прочь.

Небо уже наполнилось звёздами. Сколько он проспал, Торен понять не мог. Необходимо было торопиться. Ночью оставаться в открытом поле, как он успел понять, не следовало. Мало ли ещё какие "сюрпризы" поджидают его в кустах. В Храме Иония Торен не раз слышал о растерзанных в полях беднягах, опрометчиво уснувших после работы. Их жёны приходили, плакали и не знали, что делать, оставшись без кормильца. Дети, лишённые отца, рыдали вместе с ними. Но вспомнил он об этом только сейчас.

Обшарив телегу, Торен не нашел ничего, кроме пустых холщовых мешков. Торен достал из сумки флакон с церковным маслом, вылил в кружку и погрузил в него кусок мешковины. Затем, обмотав им ветку, принялся разжигать. За долгие месяцы он овладел мастерством разведения огня, поэтому с задачей справился в считанные минуты. Пламя, вспыхнув, разогнало окутавшую его тьму.

В ночи маяк казался намного ближе, хоть и горел уже не так ярко. Оставшуюся часть пути Торен преодолел довольно быстро.

Дорога довела его до невысокого покосившегося забора, за которым начиналась территория храма. Огромное кладбище с множеством хаотично расположенных могил отделяло его от конечной точки путешествия. По пути, не спеша, Торен рассматривал не самое приятное зрелище, представшее перед ним. Бесформенные могильные камни не говорили ничего, кроме имени и даты смерти человека. На вершине холма возвышался маяк с деревянной пристройкой. Было тихо. Лишь редкое карканье ворона и шум бьющихся о скалы волн нарушали эту тишину.

Всё было знакомо ему. Торен видел это. Недавно. Во сне.

Ржавые металлические петли издали скрип, режущий слух. Массивные ворота нехотя распахнулись. Воздух, тёплой волной вырвавшийся изнутри, обдал Торена тошнотворным смрадом. Тёмный зал предстал перед его взором. Деревянные скамьи, покрытые толстым слоем пыли, беспорядочными рядами стояли перед трибуной. Плиточная мозаика местами была сколота, а трещины гигантской паутиной растянулись по полу. Под сводами, где некогда находились окна с выложенным из разноцветного стекла ликом Творца, сейчас остались заколоченные досками дыры. Подсвечники, расположенные по всему залу, давно не ощущали тепла горящих свечей — лишь застывший воск своими слезами напоминал, что в них когда-то нуждались.

Торен застыл в дверном проёме, как статуя, и отказывался верить своим глазам.

Разочарование, с ехидной усмешкой победителя, который выиграл нечестным способом, первым встретило его на пороге. Злость, оттолкнув подругу, схватила его в свои крепкие объятия и начала сильно сжимать, лишая возможности дышать. Когда сосуд не выдержал давления и лопнул, расплескав по стенам сердитые брызги, к Торену пришла Ярость. Вся объятая огнём она стремительно бросилась ему навстречу. Прыгнув ему на шею, как влюблённые прыгают друг к другу после долгой разлуки, горячими поцелуями покрыла его лицо. Танцевала вокруг, раскидывая огненные искры, обжигала, прикасаясь своим пылающим платьем, дразнила, кричала на него, кричала вместе с ним. Через миг, слившись с ним в одно целое, став его кожей, наполнив все органы внутри пламенем, начала выжигать все остальные эмоции, что мешали ей стать полноправной и единственной хозяйкой. “Нет! — кричали Торен и Ярость. — За что? Почему?”

Как он — лучший выпускник семинарии, с отличием закончивший обучение, которому наставники пророчили великолепное будущее, наконец добившийся так желаемого им назначения, — как он мог оказаться здесь?

Покинув Храм Великого Иония, за пятнадцать лет ставший для него родным домом, Торен, преисполненный надеждами и мечтами о собственном приходе, отправился в путь. С каждым днём, с каждым шагом, земли вокруг становились беднее и беднее. Люди, вынужденные не жить, а выживать, цепляясь всеми силами за своё существование, всё отчетливей проявляли низость своих желаний и нравов. Учение, проповеди, призывы к духовной жизни волновали их не больше, чем возня навозных жуков в коровьей куче. Но он, не обращая внимания на все знаки и предостережения о том, что его мечта не становится ближе, а только отдаляется, продолжал идти. И вот, после долгих месяцев пути он оказался здесь — у разбитого сарая на краю пропасти. И это теперь его обитель?

Ярость утихла, оставив лишь угли и пепел, как это бывает после пожара. Ей на смену пришли Уныние и Опустошение. Они стояли рядом, окутав Торена своими невесомыми черными шелками, недвижимые и немые. Ему захотелось бежать, бежать куда угодно, лишь бы подальше, но сил ни физических, ни моральных на это уже не осталось.

Подняв факел выше, чтобы его свет лучше наполнил храм, он неспешно ступил вглубь. Этот шаг показался ему шагом на виселицу, которая ждёт своих гостей за совершённые ими преступления. Но обратного пути уже нет. Судьи приняли решение. Приговор должен быть выполнен! Петля на шее! Палач готов!

Дорожка между скамьями вела от входа к трибуне, находившейся на невысоком — в полметра — возвышении над остальным залом. С обеих сторон трибуны были по три ступени — символ трёх этапов Очищения. Подниматься сюда разрешалось лишь служителям Церкви. Ни один прихожанин не мог нарушить это правило. В центре стояла тумба для чтения, на которой всегда должна лежать Книга Двух. Торен осторожно, с тревожным чувством внутри, приблизился к трибуне. На ступенях, покрытых пылью, были следы, оставленные не так давно.

Первая ступень — отказ от греха.

Вторая — смирение.

Третья — чистая вера.

Трибуна, в отличие от остального зала, была довольно чистой. Тут постоянно проходят службы. Книга Двух была открыта на середине. За многие года Торен выучил её почти наизусть и знал, что в этой части рассказывается о... сейчас он никак не мог вспомнить.

Смрад усилился.

— Эй! Есть тут кто-нибудь? — спросил Торен. Звук его хриплого голоса, отразившись эхом от стен, затих. Ответом ему был лишь писк, бросившихся врассыпную крыс. Этих тварей Торен не боялся. — Пошли вон! — крикнул он.

Крысы разбежались в стороны, словно ребятишки, которых застукали во время подглядывания за взрослыми.

В дальнем углу была дверь, по всей видимости ведущая к маяку. Если пламя горело, значит кто-то его зажёл, подумал Торен. Он дёрнул за ручку. Ещё раз. С третьей попытки дверь отворилась. Вонь в комнатке была невыносимой. Повсюду с противным жужжанием сновали мухи, сверкая своими блестящими зеленовато-синими тельцами. У правой стены стоял стол с книгами и бумагами, прижатыми чернильницей. Чернила маленькими каплями были разбрызганы по всей столешнице. Рядом лежало перо. Единственная свеча уже полностью сгорела, образовав вокруг застывшую восковую лужицу. Очистить будет довольно проблематично. Массивный деревянный стул, казавшийся слишком громоздким, был аккуратно задвинут под стол. Два следа на каменном полу, свидетельствовали о том, что его часто двигали. Слева от входа стояли сундук и кровать, размеры которой явно не подходили для взрослого человека. Шикарные апартаменты! В каменной стене напротив входа — арка. За ней винтовая лестница, ведущая на вершину маяка.

Торен застыл в проходе. Предчувствие подсказывало, что должно произойти нечто необратимое. Через миг его глаза увидели тело, лежавшее в неестественной позе на ступенях. От неожиданности Торен отпрыгнул к стене. Поверхность была шершавая и влажная. Даже через робу можно было почувствовать её прохладу. Почему-то в этот момент мысли были лишь об этом. Некоторое время Торен стоял в оцепенении. Когда способность здраво рассуждать вернулась, он медленно приблизился к бедняге, чтобы осмотреть его. На ступенях лежал седой старик: низкий, худой, словно скелет обтянутый бледной, морщинистой кожей. Одежда изношена, так же сильно как и тело. Ноги сломаны в нескольких местах. Недвижимая рука с крючковатыми пальцами тянется в мольбе, но помощи ждать было не от кого. На металлической цепочке, украшающей шею, знак Церкви.

— Настоятель Мирас, — склонил голову Торен.

После распределения учителя сообщили, что в этой обители служит пожилой настоятель. Он уже давно писал письма с просьбой подыскать замену, так как чувствовал, что срок ухода на покой не за горами. Конец оказался намного ближе и, очевидно, не таким, каким представлял себе старик. По следам на стене, по каплям крови на ступенях, по увечьям было видно, что старец падал с довольно большой высоты. Он пытался ухватиться за что-либо, остановить падение. Но неудачно.

— Пусть Спаситель примет Вас в своё царство, — произнёс Торен. Прочитав короткую молитву об усопшем, добавил, — Да уж, усложнили Вы мне задачу.

Поняв, где оказался, Торен хотел найти старика и сообщить, что произошла какая-то ошибка — это явно не то место, на которое он рассчитывал — и отправиться назад. Может быть, наставники что-то перепутали, может, перепутал он сам, но эта обитель точно не его. Здесь можно лишь отбывать наказание за преступления, но никак не обучать прихожан духовности. А проступков, за которые его сослали сюда, Торен не совершал.

Он помнил сколь величественными, сколь богатыми были храмы, где проходили служения во время его обучения — огромные сооружения, своими куполами касающиеся облаков. Помнил, как множество людей, собравшихся на празднования, благоговейно внимали всем учениям Понтификов, и дождавшись окончания служения, подходили к ним с

дарами для получения благословений, будь-то к женитьбе или посеву ржи, к путешествию или строительству дома. Как те, облачённые в золотые одежды, чуть ли не сияющие в лучах солнца, похожие скорее на Великих, нежели на простых смертных, под аккомпанемент множеств музыкальных инструментов, движением руки либо внимали просьбам людей, либо отказывали, предостерегая от поспешности. Благочестивые люди, чьи решения всегда правильны и неоспоримы. Даже Король, королевские советники, семья, прислуга, в общем все, перед каждым важным вопросом не забывали зайти в храм за наставлением. В глазах Торена его наставники были теми, кем когда-нибудь хотел стать он сам. Так почему же случилось так, что он оказался здесь? Наставники ошиблись?

Нет, они не ошибаются...

Или ошибаются?

Торен попытался отогнать эти мысли. Сейчас главной задачей было погребение старика — Мирас точно не хотел бы, чтобы его тело, лежащее на ступенях, было съедено мухами, которые понятия не имеют, что в последний путь нужно отправлять, соблюдая определённые правила. В каком-то смысле старцу повезло, что Торен оказался в храме, ибо согласно верованиям, неупокоенный дух, покинув тело, мог застрять между миром смертных и миром Вечных, разрываясь на части их притяжением. Даже во время войн на стороне каждой армии был служитель Церкви, чтобы после битвы прочитать молитву за павших воинов.

Торен вернулся в комнату, снял с кровати покрывало, разложил в проходе, чтобы переложить на него тело старика, и встал над несчастным, размышляя как выполнить свалившуюся на него миссию.

— Сколько же Вы пролежали здесь! — сказал Торен. — Надеюсь, мучения были недолгими.

Воткнув начинающий терять прежнюю яркость факел в щель между каменными плитами, Торен склонился к прежнему настоятелю. Только сейчас он понял, что Мирас лежал спиной вверх, а голова была вывернута настолько, что подбородок старика касался лопаток. Спазм, схвативший острой болью внутренности, чуть не заставил Торена изрыгнуть остатки дневной трапезы. Переборов тошнотворные позывы, он взял старика под мышки, перевернул его и подтянул, чтобы водрузить на покрывало. Тело показалось на удивление лёгким, почти невесомым. Кожа была холодная, хрупкая, словно крылья бабочки. Казалось, что она вот-вот сорвётся с тонких костей. Голова, повисшая на худой шее, с мерзким звуком ломающихся сухих ветвей откинулась вниз.

Много лет назад, ещё во время обучения, у них в обители умер один из древнейших монахов. Ему на момент смерти было около ста десяти лет — истинный возраст старца был скрыт от всех, а сам он его никогда не называл, лишь отшучивался иногда, мол, “Всё, что прожил — всё моё”. Старца этого знали все прихожане и всегда при возможности обращались к нему за советом. Даже сами Архонты почитали его, словно он был живым воплощением Творца.

Монах покинул мир без мучений. Его обнаружили у себя в келье в позе, указывающей на то, что последние минуты своей жизни он провёл за молитвой. Когда дни его земной жизни были окончены, Совет решил устроить великую заупокойную службу. Своим размахом отпевание более походило на праздник, нежели на похороны. Тысячи людей собрались, чтобы проститься с человеком, который для многих стал вторым отцом, а для некоторых и вовсе заменил такового. Длинная очередь выстроилась в надежде в последний раз увидеться

с почитаемым монахом. Толпа не заканчивалась три дня. Прихожане оставляли что могли: еду, одежду, дорогую домашнюю утварь, скот. Огромное количество даров заполнило почти всё помещение храма. По окончании церемонии, старец был погребён на кладбище, на котором хоронили лишь самых прославленных служителей Церкви.

О подобных церемониях здесь, в глуши, Торен и подумать не мог. Старый Мирас будет упокоен в вечно сырой земле с маленькой могильной табличкой над головой, и никто, кроме Торена, не придёт, чтобы проститься с ним. Скорее всего, никто не ведаёт, каким человеком он был при жизни. Никто не будет знать, какая смерть забрала прежнего настоятеля. И никто не будет оплакивать его. Лишь сколы на ступенях, в безудержном падении оставленные стариком, будут единственным напоминанием о нём.

Торен вынес тело Мираса на улицу. Звёзды мерцали в необычайно чистой черноте ночи. Ям, которые могли бы стать последним пристанищем для старика, на кладбище не было. По крайней мере, Торен их не видел. Придётся копать.

Рядом с погребом, запертым массивным замком, в куче хозяйственных инструментов лежала лопата. Не придётся рыть землю руками, подумал Торен. Недалеко от храма, шагах в двадцати, он нашёл место, по его мнению вполне подходящее для могилы. Справившись, Торен вернулся за стариком.

— Знаете, а я ведь совсем не этого хотел, — обратился он к Мирасу, будто бы тот мог его услышать. — Странная штука — память. В ней остаются лишь плохие воспоминания. Я вообще не помню лиц своих родителей. Не помню их имён. Зато помню голод. Помню ругань, боль, страх. Ни одного светлого воспоминания. Помню, когда меня вытолкнули из дома в руки какого-то здоровяка в церковных одеждах, — Торен уложил тело старика в яму. — Что они тогда мне говорили? Или может, просто молчали? Не знаю. Мне всё равно. Я давно их простил. Тот громила мне сразу понравился: он дал мне еды и пообещал, что всё будет хорошо. Он стал моим наставником, — первая горсть земли осыпалась на Мираса. — Потом он мне рассказал, что родители просто избавились от лишнего рта. Работать я ещё не умел, просить милостыню тоже не мог.

Торен старался не кидать на лицо старика. Давно он ни с кем не разговаривал о своей жизни, а Мирас оказался прекрасным слушателем. Зачерпнув очередную часть земли, Торен продолжил:

— Пятнадцать лет я посвятил учёбе. Хотел иметь свой приход... И что у меня есть сейчас? Сарай на краю мира и мёртвый старик, с которым я разговариваю. За что?

Погребение было закончено и Торен, пропотевший насквозь, пошёл обратно. На ступенях что-то блеснуло. Ключ, однозначно подходящий лишь для замка, запирающего погреб, ибо других запертых дверей в обители он не видел, лежал перед ним. Почему он раньше его не заметил?

Закрома были полны бочек с вином. Несколько были откупорены. Деревянная кружка стояла на одной из них. Торен плеснул в неё немного вина. Сладкое, успокаивающее, и, на удивление, довольно вкусное.

Скрип колес порядком осточертел Гарри, из-за чего Райли уже успел выхватить пару тумачков по своей глупой голове. Это же насколько надо быть тупым, чтобы из всех телег в карьере взять самую разбитую? В следующий раз лучше отправить Томаса или Джека, они-то не совершат такой ошибки.

— Да когда же появится этот чертов маяк?! — заворчал Райли.

Будучи невысокого роста, он постоянно горбился. Мелкие и быстро бегающие глазёнки говорили о подлой натуре своего хозяина. Гарри при первой встрече смекнул, что более удачного стукача и соглядатая за своими подопечными ему не сыскать, отчего и приблизил к себе этого мерзкого человечешку.

— Ну, так остался бы дома. Тогда и нам не пришлось бы терпеть твоё нытьё, — точно подметил Джек.

Джек — бывший раб, возвысившийся над своими сокамерниками. Когда-то Гарри смог разглядеть в испуганном мальчонке истинную силу, силу духа. Юнец на предложение заменить тюремный срок на службу под началом главного надсмотрщика ответил согласием. Гарри воспитывал его в беспрекословном послушании и преданности к себе. Но изменения, что происходили с Джеком по мере взросления, не могли ускользнуть от вкрадчивого взора наставника. Ученик всё больше проявлял своеобразие. Взгляды не всегда совпадали.

Но это уже не сильно беспокоило Гарри. Совсем скоро срок его пребывания на проклятом острове будет окончен — служба подойдёт к концу, даруя свободу. Это и останавливало его от желания преподать хороший урок Джеку.

— Дома? Только раб может считать это место домом!

— Ты что назвал меня рабом?!

Одно лишь упоминание о прошлом могло с легкостью вывести из себя Джека. Горбун бил в самое больное место, не учитывая последствий. Гарри решил пока не вмешиваться, делая вид, что перепалка спутников его не касается.

— Да причём тут ты?

— Ты ещё спрашиваешь, гадёныш?!

— Лучше быть свободным гадёнышем, чем рабом без кандалов.

— Я тебе глотку вскрою, тварь!

Холодное лезвие блеснуло в воздухе и в тот же миг замерло у горла обмякшего Райли.

— Хватит! — крикнул Гарри.

Вся процессия замерла словно вкопанная, и лишь серый мул, запряжённый в телегу, проигнорировал командира, продолжая тянуть свою ношу всё дальше вперёд.

— Убери лезвие.

— Но этот ублю...

— Я сказал убери! — повысив голос, настаивал на своем Гарри.

Хватка Джека ослабла, позволив горбуну опуститься с носков на полную стопу.

— Ещё раз позволишь себе такое, и, клянусь Спасителем, ты отправишься к нему, — сквозь зубы прошипел Джек.

— Псих! Лучше теперь почаще оглядывайся по сторонам, — почувствовав защиту от Гарри, Райли попытался огрызнуться.

Все понимали, что угрозы от труса — не более чем просто слова. Ведь Гарри голыми руками сотрет в порошок любого, кто посмеет навредить его ученику.

— Паскуда! — звонкий пинок прилетел по заднице смельчака, заставив его подпрыгнуть, — Чего вожжи бросил? Бегом за телегой!

Райли в тот же миг, забыв обо всем, бросился вдогонку за мулом.

— Томас, помоги этому растяпе.

Здоровяк молча кивнул и, положив на плечо свою счастливую дубину, последовал за быстро удаляющимся от них горбуном. Немного выждав, Гарри уже спокойным и наставническим тоном заговорил с Джеком:

— Ты разве забыл мои уроки?

— Нет.

— Сколько раз повторять, держи себя в руках? Помнишь зачем?

— Да. Кто ведом эмоциями, тот предсказуем. Легко угодить в ловушку, — немного помолчав, Джек добавил, — А там — и лезвие меж рёбер.

— Молодец. Теперь второй совет. Если хочешь убить — убей, а не кричи об этом.

— Да брось, я уже не юнец и понимаю, о чём ты.

— Именно юнец, — без упрёка, а скорее с отцовской любовью подытожил Гарри. — Остыл?

— Почти.

— Тогда вперёд — оставшаяся злость через ноги выйдет.

Единственная дорога, протянувшись через весь остров, вела от каменных шахт в сторону обители. Сильные дожди и порывистый ветер с годами сделали свое дело, превратив кладку в подобие каши.

Вдали показалась башня маяка. Всё отчетливей вырисовывалась покосившаяся ограда погоста.

Вскоре спутники застыли подле главного входа обители. Невысокие ступеньки вели к закрытым дверям храма. Настоятеля нигде не было видно.

— Куда делся этот старик? — недоумевал Гарри.

— Может спит? — предположил Джек.

— Скорее уж откинулся наш преподобный, — злобно съязвил Райли.

— Райли, сбегай на ту сторону маяка, вдруг он там. Джек, проверь внутри.

Силуэт ученика пропал в дверях храма, а горбун с привычной ему услужливостью кинулся огибать маяк.

— Томас, пройдишь по кладбищу, может, наш святоша случайно свалился в одну из вырытых ям.

Усевшись на ступенях храма, Гарри ощутил лёгкое покалывание, прокатившееся по всему телу. Почти сутки пути в таком возрасте уже давались с трудом. "Старею. Может, пора на покой?" — в голове промелькнула испугавшая его мысль.

Всю свою жизнь он провёл на каторге, непрестанно следя за порядком среди рабов и выработкой норм. Куда ему теперь податься? За свою службу он не обзавелся ни домом, ни семьей. Джек — вот вся его родня. Но семья ли он для Джека?

— На маяке ни души, — из-за спины раздался знакомый голос.

— Странно, — прервав размышления о будущем, обернулся к ученику Гарри.

— Может, горбун его отыскал? — Джек нарочно называл Райли по кличке, зная как тот её ненавидит.

— Скоро узнаем.

Ожидание длилось недолго. Вскоре к ним вернулся Райли.

— Никого, — разведя руками, подтвердил свои слова проныра.

Трое стояли подле храма и терялись в догадках, куда мог подеваться старик. Сбежал? Гарри отказывался в это верить. Если бы остров ушёл на морское дно, то Мирас, без сомнения, последовал бы за ним. Он не мыслил себя без здешнего храма и своей миссии. Значит что-то случилось. Но что?

— Не смей!

Все резко обернулись в сторону погоста. Над могильными холмиками, словно скала, возвышалась фигура Томаса. Он удерживал за воротник пойманного им незнакомца.

— Отпусти!

Великан без особых усилий смог оторвать его от земли, заставив ноги пленника болтаться в воздухе.

— Кому говорю, отпусти!

— Тащи его сюда, — без эмоций распорядился Гарри.

Попытки незнакомца вырваться из цепкой хватки Томаса вызывали неподдельный смех у собравшихся. Дотащив свою ношу до остальных, великан отпустил бедолагу, от чего тот рухнул, словно набитый мешок, подле ног главаря.

— Ну-ка, посмотрим, что ж ты за зверь такой.

Присев на корточки, главарь стал рассматривать распластавшегося перед ним человека. Молодой парень. Странная одежда. Вдобавок, от него разит вином и грязью. Судя по виду, бочки в подвале изрядно опустели. Не из беглых — в этом не было сомнений. Гарри обладал прекрасной памятью на лица и знал всех своих заключенных, даже тех, кто уже покинул этот грешный мир. Но откуда взялся этот незнакомец? И куда пропал старый ворчун?

— Ты кто такой? — Гарри схватил юнца за подбородок и посмотрел в его растерянные глаза.

— Я... я... Торен. Я — Торен. — кое-как вымолвил пленник.

— Что же, Торен, скажи-ка, какого хрена ты делаешь на моём острове?

Из беглого рассказа Гарри подметил важную для себя информацию. Он знал про братьев контрабандистов, часто переправляющих в обход порта груз для настоятеля. Но имя Амоса слышал впервые. Со слов пленника, Амос выполнял поручения Церкви, о которых не должны знать посторонние. "Стоит нанести ему визит вежливости, как только будет такая возможность" — подумал Гарри.

Дальше рассказ был ещё интереснее: остывшее тело Мираса встретило своего ученика у ступеней винтовой лестницы. Как удобно! Единственный, кто мог подтвердить правдивость слов говорившего, оказался покойником. Любви к старику Гарри не испытывал, но судьба быть убитым своим приемником показалась ему ужасной. Перед глазами сразу промелькнул образ Джека.

История резко прервалась, и в воздухе повисла пауза. Первым её нарушил сидевший всё это время на коленях, словно кающийся, Торен:

— И тут появились вы.

— Ты думаешь, я поверю в этот бред?

— Но это правда! — возразил Торен.

— Заткнись! — прошипел, словно змея, и попытался пнуть его Райли.

Удар лишь слегка задел плечо говорившего. Торен смог удержать равновесие и не

распластаться перед стоявшими людьми.

— Но я могу доказать.

Увидев намерение горбуна повторить свой приказ, Гарри строгим взглядом остановил его порыв.

— Интересно как же?

— Письмо. У меня есть письмо от Совета! Прочтите его.

— И где же оно?

— На маяке, — Торен указал рукой в сторону обители. — Я принесу.

— Ты думаешь, я отпущу...

Гарри не успел договорить, как Джек прервал его:

— Я схожу с ним.

По лицу Райли пробежала ехидная ухмылка. Видимо, он ждал, что Гарри накажет Джека за столь хамское вмешательство в разговор.

— Хорошо, иди с ним. Если дёрнется — убей.

Гарри хотел отправить Томаса, но Джек уже был в храме, а значит его сложней будет застать врасплох.

Стоило им скрыться в дверном проеме храма, как Гарри резко распорядился:

— Томас, встань у входа в подвал, и если этот святоша высунется, выруби. Я лично прикончу его, медленно и мучительно, если всё, что он наговорил, окажется ложью.

Здоровяк, не изменяя себе, кивнул головой и бодро зашагал ко входу в подвал.

— А ты, Райли, останься здесь и гляди в оба.

Джек шёл позади Торена. Он не сомневался в правдивости слов юного пастыря. Письмо — не более чем формальность. Вот только почему именно он, а главное, зачем? Ведь остров — это тюрьма. Она без труда способна сломить и более опытного жизнью человека, а тут — юнец с неокрепшим сознанием.

Гонимое им прошлое в миг пробудилось в разуме Джека. Обреченность — с ней он столкнулся в самом начале пути. Только благодаря Гарри его будущее возымело благой исход.

Мирас мог бы стать для Торена тем самым спасением, но судьба распорядилась иначе. Жизнь жестока, особенно к тем, кто лишь начинает свой путь. Совесть изнывала и не отпускала Джека после столь нелестного знакомства.

— Мне жаль, что так вышло, — как же глупо звучала эта фраза. — Я верю вам и думаю...

Только сейчас он заметил, как по телу Торена пробежала волна судорог. Его трясло, и это сразу бросалось в глаза. Настоятель терял возможность управлять своим телом. Джек видел подобное. Почти каждый, кто прибывал на рудники впервые, сталкивался с этим. Страх, державший в тонусе, резко покидал овладевшего им человека, а мышцы сводило непреодолимой болью, парализуя несчастного.

Пастырь ухватился за спинку ближайшей скамьи. Судороги становились всё сильнее, заставляя Торена сгорбиться от нарастающей боли.

Он попытался что-то сказать, но Джек расслышал лишь страшный хрип, повергший его в замешательство.

— Вы как? — отступив на шаг от пленника и потянувшись к клинку на поясе, поинтересовался Джек.

Приступ закончился также внезапно, как и начался. Торен выпрямился и спокойным

голосом проговорил:

— Уже лучше. Просто немного устал.

— Вы меня напугали, — искренне признался Джек, а рука в тот же миг соскочила с рукоятки ножа.

— А как вы меня!

Видимо это была ответная взаимность на правду, подумал Джек и решил успокоить пастыря:

— Вам нечего бояться. Гарри — хороший человек и у него доброе сердце. Я тому пример. Он спас меня и дал возможность выжить на этом острове.

Они уже прошли главную залу и оказались в маленькой комнате зрителя. Всё осталось также: разбросанные книги, залитый воском стол, сколоченная из массивных досок узкая кровать. Пастырь достал походный мешок и стал рыться в содержимом, а Джек продолжил говорить:

— Он научил меня всему, что должен знать мужчина. Как позаботиться о себе и дорогом мне человеке. Как добыть пропитание и не сдохнуть от голода. Помог понять людей. Разных людей. Когда они врут или затевают недоброе. В общем, всему, что помогает выжить в суровых условиях, такие как эти.

— Одним словом, стал для вас отцом, — Торен достал бумажный свёрток и повернулся к Джеку лицом.

— Отцом?

Сравнение смутило Джека. Он никогда так не думал о Гарри. Но слова совершенно незнакомого ему человека прозвучали словно истина, которая всегда ускользала. Может ли раб, мальчишка, принятый в ученики к своему надзирателю, считать его своим отцом?

— Мои слова смутили вас?

Джек лишь кивнул головой.

— Не переживайте. Со временем вы сами найдёте ответ на этот вопрос. Пойдем, не будем заставлять ваших друзей ждать.

У выхода Джек придержал Торена за рукав.

— Спасибо вам, пастырь.

— За что? — искренне удивился тот.

— За ваши слова и... а в прочем не важно. Я хотел вас предупредить. Снаружи не все люди хорошие, будьте аккуратней с горбуном, — заметив озадаченное лицо пастыря, Джеку пришлось внести ясность в сказанное им. — Райли — редкостный говнюк.

Первым из храма вышел Джек.

Как только они появились в проходе, всё внутри Гарри запылало. Как он мог? Нарушил все мои заветы! Никогда не поворачивайся спиной к незнакомцу. Забыть самое главное? Немыслимо! Быстрым шагом он двинулся навстречу опальному ученику и пастырю. Они ещё не успели спуститься, как Гарри был уже подле них.

— Письмо! — протянув свою руку к Торену, с гневом в голосе начал Гарри.

— Вот оно, — растерялся от такого натиска Торен.

Быстро развернув письмо, взглядом Гарри пробежался по тексту. Всё верно. Слова юнца полностью подтвердились. Но даже это не смогло смягчить гневный порыв. "Как он только мог!" — крутилось в голове опытного стражника. Но начинать перепалку, да ещё на глазах у этого сопляка — нет, невыносимо. Стоит вернуться на рудник и уже там всыпать Джеку словно вздорному мальчишке, когда не будет лишних глаз.

— Всё верно, — сухо подытожил Гарри, вернув бумаги владельцу. — Выходит, теперь ты — пастырь, а значит и его обязанности блюсти тебе, — эта фраза прозвучала словно угроза.

— Да, но я ещё не до конца понимаю, о чём вы?

— Ах, не понимаешь! Ну, ничего. Райли объясни нашему новому знакомому, про что мы тут толкуем.

Гарри с укором посмотрел на Джека.

— Забирай своих подопечных, — услышав позволение, Райли с ехидной улыбкой на лице мигом приступил к исполнению воли своего начальника.

Торен застыл с непонимающим лицом.

— Покажи ему, — приказал главарь, не отрывая глаз с ученика. Во взгляде отчетливо читалось "он будет страдать из-за тебя".

Райли кинулся к повозке. Шелест сорванного полотна пробудил рой мух, которые безмятежно скрывались под ним. Резкий запах гнили в ту же секунду заполонил всё вокруг. Даже мул двинулся с места, мотая головой, фыркая и раздувая свои ноздри.

Взгляд Торена переключался с сурового лица главаря на содержимое телеги. Тела! Тела людей, наваленных друг на друга. Вздувшиеся от жары они больше напоминали бурдюки, налитые под завязку. По трупным пятнам было ясно, что смерть настигла их ещё пару дней назад.

— Что это?! — взмолился Торен.

— Наш святоша сейчас блеванёт! — со смехом и словно не замечая смрада исходящего от покойников, ехидничал горбун. — Потерпи, я только начал.

Он ухватив за скудный клочок волос и потянул вверх, приподнимая разлагающуюся голову несчастного.

— Это граф Саймон. Он был прекрасным правителем здешних земель, — начал свое повествование Райли.

Он разжал руку и голова покойника с тупым звуком ударилась о деревянный край телеги. Затем горбун схватил следующего несчастного и продолжил:

— А это, наверное, его дочь, всеми любимая Элизабет! А нет, постойте. Элизабет поехала в другой карете, — продолжая издеваться, веселился деспот. — Это сын. Старший и всячески любимый Крид. Или как там его звали?

Пастырь побледнел и, согнувшись, обеими руками схватился за живот.

— Хватит. Прошу, перестань, — едва слышно взмолился Торен.

— Хватит? Но мы ещё не все представились. Разве мы можем так поступить? — обращаясь к мертвецу, чью голову сейчас держал прихвостень, он резко замотал её из стороны в сторону, делая вид что покойник не согласен с пастырем. Плоть с волосами, за которые удерживали покойника, отделилась от черепа и осталась в Руках у Райли.

— Да чтоб тебя! — выругался горбун.

— Останови его, — стоя на коленях напротив главаря, взмолил Торен.

— Послушай, — без злобы в голосе начал Гарри, — мне наплевать на твою рясу и твой чин. Ты здесь не гость, а то, во что ты вырядился, явно не для этих мест. — он ухватил Торена за ухо и заставил смотреть в свои глаза. — Позволь, я буду первым, кто познакомит тебя со здешним укладом. Ты не против?

— Прошу. Я не знаю, что вы от меня хотите? — голос юнца предательски срывался на визг, чего и добивался Гарри.

— Те, кто здесь оказались по своей глупости, пренебрегая законом, должны в полной мере получить наказание. Поэтому их спины каждый день гнутся под тяжестью работ и ударами моей плети. Ты же — совершенно иное. Ты обязан этим псам оказать последнюю услугу. Скорбеть и молить своих богов об упокоении душ и закопать их на этом погосте, — он указал в сторону могил. — Надеюсь, ты услышал меня! Если же нет, то тогда моя плеть сможет достучаться до тебя лучше, чем слова.

— Я всё понял! — в глазах Торена застыл ужас.

— Вот и славно, — одобрительно закончил Гарри. — А теперь разгружай телегу, пастырь, да поживей.

Гарри смотрел, как новый смотритель бродил подле покойников в полной растерянности. Не лишканул ли он с этим бедолагой? Ведь причиной гнева был не он, а Джек. Пустое — что сделано, то сделано.

— Давай, я помогу.

Поймав на себе решительный и осуждающий взгляд ученика, Гарри снова стал закипать, но мешать ему не стал.

Телегу свезли поближе к яме, видимо, заранее выкопанной ещё Мирасом. Прошлый смотритель, в силу своего возраста, часто так делал, ведь представившихся ему свозили не по одному.

Райли и Томас молча наблюдали за происходящим. Прошло немало времени прежде, чем телега опустела, а её мертвый груз расположился на земле. Взвзвись за поводья, Джек направился к остальным. Мул, почувствовав облегчение от своей ноши, беспрекословно последовал за ним.

— Всё? Никого не забыли? — подытожил очевидное Гарри.

— Телега пуста, — сухо ответил Джек.

— Я весь изжарился, пока вы тут возились, — позлорадствовал горбун, но в этот раз Джек промолчал, решив не обострять и без того натянутую ситуацию.

— Тогда нам пора. Собирайтесь, — распорядился главарь, но заметив нерешительность Джека, спросил. — Что еще?

— Прости, Гарри, но я хочу попросить тебя.

— О чем?

— Позволь помочь Торену с захоронением.

Видя, как его подопечный прячет свой взор, Гарри понял, что нужен разговор по душам.

— Томас и Райли, ступайте и подождите меня у изгороди.

— Может нам лучше остаться? — напрашивался на любезность горбун.

— Живо! — рывкнул на него Гарри.

Видя что их спутники ушли, а пастырь остался подле покойников, Гарри словно прорвало.

— Да что с тобой происходит? — с неподдельным удивлением поинтересовался он у Джека.

— Прости, я виноват. Ослушался твоих советов и, не спросив тебя, направился помогать пастырю. Но я не мог иначе, пойми.

— Не могу.

— Видишь ли, он напомнил мне испуганного мальчишку, которого ты когда-то пожалел. Ведь если бы не ты, что было бы сейчас со мной?

— Это другое, ты был ребёнком.

— Ну да, ему не девять лет, но разве от этого легче?

— Ты его совершенно не знаешь!

— Также, как и ты тогда не знал перепуганного и грязного воришку.

— Ладно, будь по твоему, — смягчился Гарри.

— Спасибо, — на лице Джека появилась улыбка.

— Но запомни, за своенравие ты из караулки неделю не вылезешь! Понял?

— Да.

Видя с какой радостью в глазах встретил его дозволение Джек, мысли о наказании показались Гарри лишним.

— Мула с повозкой оставь себе, на нём нагонишь нас.

— И за это спасибо!

— По крайней мере, мои уши отдохнут от постоянного скрипа. Всё не трать время, его у тебя не так уж и много, — Гарри махнул рукой и отправился за остальными.

Джек смотрел в спину удаляющегося учителя. Он постоянно слышал в свой адрес "учись, запоминай, сделай усилие над собой, а не то пожалеешь". Хоть Гарри и был суров, часто сказанное им не соответствовало намерениям.

Только сегодня, после слов пастыря, Джек заметил, что в отношении него, угрозы о наказании не имели действия. С других же главарь всегда спрашивал строго. Так значит прав был пастырь? Отец? Ведь только любящее сердце способно прощать, когда разум требует справедливости.

Троица всё дальше удалялась от маяка. Вскоре их силуэты скрылись за изгородью погоста. Надо будет поговорить с Гарри после возвращения. Сын, обретший отца?

Обернувшись в сторону Торена и увидев, как тот неумело орудует лопатой, Джек потёр ладони и направился на помощь. "Понадобится ещё одна, а то так и до утра не управимся" — подумал он.

На раскалённый дневным солнцем остров каждый вечер возвращался слабый и размеренный ветерок. Гонимый с морской глади он приносил освежающую прохладу. Стоило Торену почувствовать на себе его лёгкое прикосновение, как жгучая боль от палящих лучей мгновенно отступала, даруя долгожданное спокойствие измождённому телу.

Расположившись в тени ветвей старого и невысокого дерева, одиноко растущего среди могильных холмиков, Торен провожал тянувшиеся друг за другом дни под защитой своего молчаливого друга. Это было идеальное место для размышлений. Он постоянно прокручивал в голове события прошедших дней, стараясь отыскать в прошлом ответы на своё будущее.

Мирас мог бы стать спасением. Торен не сомневался, будь старик жив, он бы без труда уговорил его написать письмо в Совет и отменить столь никчёмное назначение. Но думать об этом уже не имело смысла. Какой спрос с покойника?

А если подделать письмо? Но вдруг обман раскроется, и что тогда? Нет, риск слишком велик. Вероятность того, что он опять окажется на этом проклятом острове, но уже в кандалах и с киркой в руках, была более, чем реальна. И, следовательно, угрозы Гарри познакомить свою плеть со спиной Торена тут же воплотятся в жизнь. Возможность повторной встречи с "бандитами", так он называл незваных стражников, пугала его.

— Да горите вы все в огне! — наполненный до краёв кубок взметнулся вверх. — И старика с собой прихватите! — закончив тост, Торен осушил свою чашу.

Хмель от вина тут же ударил в голову, расслабляя и успокаивая изнывающую душу. Перед глазами предстал образ Джека. Из всей злости и гнева, что бурлила в сознании Торена, не нашлось бы и самой малости для этого человека. Джек был единственным из всех людей, повстречавшихся на его недавнем пути, кто не опустился до оскорблений. Снести с повозки покойников, а затем помочь с их погребением — Торен вечно будет ему благодарен. Сама мысль, что подобное пришлось бы проделывать одному, болью отзывалась в его мышцах.

Наполнив кубок вином из быстро пустеющего бочонка, пастырь добавил:

— Кроме Джека.

Но выпить полностью содержимое Торен был уже не в состоянии. Вино быстрыми ручейками струилось по губам и телу пастыря, делая его одежду мокрой, а кожу липкой.

— Хватит, — остановил себя Торен и вытер лицо рукавом.

Вино стало неотъемлемой частью его вечерней трапезы. Оно помогало побороть страх. Страх темноты и того, что приходит вместе с ней, — снов. Каждую ночь, в сновидениях, Торен, подобно ворону, кружил над здешними землями и лицезрел остров с высоты птичьего полета.

Вскоре видения начали становиться реальностью. Так, впервые забравшись на маяк, чтобы подлить масла в чашу, Торен был ошарашен открытием. Сквозь стеклянное обрамление его взору предстал знакомый пейзаж. Небольшая лагуна расположилась под скальным навесом и была один в один с той, что он видел во сне. Но как? Раньше он сюда не поднимался. Обернувшись, наблюдатель окинул взором раскинувшийся на холме погост. Могилы, одинокое дерево, ограда, ворота, горы вдали — всё было ему знакомо.

— Ой.

Споткнувшись и потеряв равновесие, пастырь неуклюже скатился с небольшого холмика по мягкой земле.

— Простите, мне так жаль, — оперевшись о надгробие, он поднялся и стряхнул грязь.

Ему бы просто добраться до кровати и рухнуть в беспамятстве.

Старинный, массивный дуб пророс сквозь твёрдую почву на вершине скалистого берега. Он, подобно колоссу, подпирал своими ветвями бескрайний небосвод, не позволяя тому упасть и раздавить землю под собой. На верхушке, расправив чёрные крылья, сидел безмолвный наблюдатель.

"Опять?!" — отчаянье промелькнуло в голове Торена-ворона. Но... Сон отличался от предыдущих: храма, маяка, как и всего остального, тут не оказалось. Он попытался осмотреться по сторонам, как вдруг услышал странный шум. Большое черное облако из глубины острова хаотично двигалось в его сторону. Оно подобно камню, сорвавшемуся с обрыва, стремительно летело вниз, а у самой земли резко вздымалось ввысь.

Торен затаился в густой листве дуба. Наконец, ему удалось разглядеть, что туча из себя представляла. Две стаи, летучих мышей и птиц, сцепились в смертельной схватке. Обезумев от крови, они разрывали плоть друг друга, а их предсмертные крики сотрясали ночную тишину на многие мили вокруг. "Только не сюда. В море. Летите в море!" — взмолил Торен.

Когда до его укрытия оставалось с десятков метров, произошло немыслимое. В одно мгновение крылатые стаи бросились вниз, даже не пытаясь избежать столкновения с землёй. Глухой удар поднял плотное облако пыли, которое тут же поглотило в себе непримиримых соперников. Стоило ветру разогнать смог, как взору пастыря предстали неподвижные тела двух людей, лежавших друг напротив друга. Магия? Будучи ребенком, Торен слышал разные истории о колдунах, но всегда считал их выдумками.

Первым поднялся тот, кто был по правую сторону. Он с легкостью оттолкнулся от земли и сразу очутился на ногах. Не удостоив вниманием своего оппонента, он кинулся к самому краю обрыва. Его целью был небольшой тряпичный сверток, подобный тем, в которые пеленают младенцев. Взяв его в руки, человек начал его укачивать, словно пытаясь успокоить.

Вдруг позади раздался грубый и сильный голос. Незнакомец медленно и аккуратно опустил дитя на землю, затем обернулся на окрик.

Торен впервые слышал странный диалект, на котором разговаривали соперники. Понять их было невозможно.

Тот, который держал в руках ребёнка, был на голову выше своего оппонента. Пепельные волосы спадали на плечи. Одет во всё чёрное. Рубаха заправлена в кожаные штаны. На ногах сапоги с высоким голенищем. Лицо, полностью лишённое эмоций, под стать голосу и глазам.

Второй же, напротив — сама ярость, нашедшая своё воплощение в образе человека. Массивный торс покрывали многочисленные шрамы. Гладкая голова и бешенные, переполненные гневом глаза. Обезумевшая от злобы улыбка так и кричала о желании вцепиться и разорвать глотку врагу. В правой руке он сжимал длинный меч, направив острие на своего противника. Лезвие полыхало белым светом, разгоняя вечернюю тьму вокруг.

Яростный воин неспешно двинулся на своего противника. Расстояние неуклонно сокращалось, но пепельноволосый был неподвижен. Отдав инициативу своему сопернику, он явно выжидал и готовился отразить выпад.

Не дойдя до своей жертвы и десяти метров, агрессор в миг оказался подле соперника.

Яркое свечение от пламени на лезвии описало изящную дугу. Удар был нанесен мгновенно со скоростью, неподвластной человеческому взору. Но меч встретил не плоть врага, а черное лезвие соперника.

Разум Торена с трудом улавливал бешеный ритм борьбы. Звон металла от соприкосновений мечей, буквально, накладывался друг на друга, превратившись в одну сплошную мелодию, где не было места тишине. Пастырь, словно замороженный, не в силах отвести свой взор, наблюдал за танцем жизни и смерти, пытаясь понять, кто же одержит верх в этой битве.

Человек со шрамами уступал своему врагу в скорости, но брал силой и напористостью, заставляя оппонента постоянно защищаться и лишь изредка контратаковать. Порой удары достигали цели. Оба воина словно не замечали их. Порезы от стали тут же затягивались, но кровь от ран успевала окрасить землю под ногами сцепившихся.

На горизонте показались первые лучи солнца, знаменуя собой новый день. Именно в этот момент и произошла развязка затянувшегося противостояния. Рука с тёмным клинком смогла нащупать слабое место. Меч вонзился в плоть противника, прямо в сердце.

Воин замер, уставившись на торчавший в своей груди меч. После, переведя взгляд на пепельноволосого, с диким рёвом вогнал своё оружие в брюхо обидчику. Удар был такой силы, что лезвие, пройдя через брюшную полость, вышло со спины врага.

Пламя на клинке засияло ещё ярче. Белоголовый, сраженный ответным ударом, пал на землю, извлекая лезвие меча из тела соперника. Оставшись стоять на ногах, Ярость молча наблюдал как из его раны хлынула кровь, заливая оголенный торс, придав ещё более жуткий вид. Спустя мгновение рана, хоть и медленно, но стала затягиваться, а кровотечение становилось всё меньше, пока полностью не прекратилось. Победитель склонился на колени перед поверженным. Ярость в его глазах угасала также, как и силы врага. Меч будто бы вытягивал жизнь из проигравшего. Именно этим Торен смог объяснить себе исход битвы.

Сильными руками воин приподнял голову умирающего, дабы всмотреться в ещё живое лицо. Пастырь видел, как губы белоголового едва шевелились. Его убийца всеми силами старался разобрать последние слова умирающего. Свет от меча погас.

Ещё недавно обезумевший от гнева воин был спокоен и даже опустошен. Победа над противником не принесла ему радости. Вытащив меч из тела убитого, он приобнял ещё неостывшее тело и заплакал.

Внезапный крик прервал окутавшую всё вокруг тишину. Держа на коленях безжизненное тело, победитель отсылал свой крик в небеса, а его тело вдруг охватило пламя. Миг и всё вокруг запылало огнем, обращая остров в прах.

Вскрикнув от жгучей боли, Торен проснулся.

Нет, это была его комната: всё те же мрачные стены, старый испачканный стол и узкая деревянная кровать. Его сознание медленно возвращалось в реальность. Но боль от пламени, проглотившая его, продолжала преследовать свою жертву. Окинув себя взглядом, он убедился, что ожогов нет. "Это сон, всего лишь сон".

— Они сведут меня с ума, — бормотал себе под нос Торен.

Мысль о потере рассудка болью отозвалась в его душе. Перед глазами предстал Мирас, не друживший со своей головой. По крайней мере, такой образ прежнего настоятеля сложился в сознании из услышанных рассказов. Но насколько они были правдивы? Жаль, что старик ушёл раньше времени. Он многое бы поведал своему ученику.

"Мирас же вёл дневник!" — подобно холодному душу, эта мысль заставила пробудиться

разум Торена.

Вскочив с кровати, он зажёл огарок свечи. Тусклый свет разогнал тьму по уголкам небольшой комнатки.

— Он должен быть где-то здесь, — роясь в куче старых и потрёпанных книг, Торен пытался отыскать ранее откинутое им за ненадобностью.

Нашел! Почувствовав облегчение, пастырь выдвинул стул и тут же уселся за чтение. Старинный переплёт уже поистрепался. То ли от времени, а может, и по умыслу своего хозяина некоторые листы дневника были отделены и вложены обратно. Общая последовательность повествования была нарушена. Глаза Торена быстро забегали по страницам. Судя по размеренному почерку, писавший эти строки явно был в ладах со своими мыслями:

Уже более тридцати лет я остаюсь бессменным смотрителем прихода "Последней надежды". Новый день практически неотличим от предыдущего. Меняются лишь времена года. Каждое утро всегда начинается одинаково: кружка горького кофе, сваренного на костре, и несколько яиц с чёрствым хлебом. Я был бы рад отведать запечённого с овощами поросёнка, но Понтифики, вероятно, считают, что мне достаточно и этого. Поэтому довольствуюсь тем, что заслужил.

Далее я в гордом одиночестве зачитываю Книгу Двух и до обеда провожу всё время в молитвах о душах усопших.

Как только солнце после зенита начинает свой путь в сторону заката, я отправляюсь на кладбище и до первых сумерек провожу на нём всё своё время.

Раньше, когда я был моложе, мне было куда проще поддерживать порядок на нём. Но с годами сил на это остаётся всё меньше и меньше. Я слишком стар и немощен в своих возможностях. Мне нужен помощник. Сегодня снова напишу в Совет. Пусть мне пришлют молодого послушника.

Чтение длилось не долго. Станный шум с улицы прервал его занятие. Меньше всего Торен хотел вновь встретить бандитов из шахт.

Медленно, стараясь не издать ни единого звука, он вышел из комнаты и, словно затаившаяся кошка, начал вслушивался в ночную тишину. "Показалось", — успокаивал себя пастырь, прогоняя дурные мысли из головы. Но звук мелкой гальки под сапогами в ту же секунду разжёл страх.

Бежать! Прятаться! Но куда? Куда можно было сбежать из здешних стен? В подвал, а оттуда наружу. Потом украдкой по склону на песчаный берег. Нет. Петли давно проржавели, их скрип сразу привлечёт внимание, и тогда ему не скрыться от обидчиков. Наверх по винтовой лестнице к чаше маяка. Но пляски теней от пламени сразу его выдадут.

Страх перерастал в панику. Она сковала несчастного, полностью парализовав. Застыв, Торен всё отчетливей слышал шаги приближающиеся к главному входу обители.

Дверь, заперта ли она? Воспоминания прошлого дня, словно картинки замелькали перед глазами. Но нет, он не в силах был вспомнить о такой мелочи. Шаги затихли на каменных ступенях, и кто-то потянул за ручку двери.

— Мирас, ты тут? — спокойный и даже смиренный голос послышался по ту сторону двери.

Торен хорошо запомнил голоса надсмотрщиков, но этот явно был не из них. Кто это? И зачем ему Мирас? Вопросы появлялись один за другим. Узник? Беглец? Кто же ещё?

— Да чтоб тебя, Мирас! Я скоро околею тут, — не сдавался незнакомец.

А если это контрабандисты? Мысль о подобном пробудила желание открыть и впустить гостей внутрь. Но голос за дверью не был похож на голос Нэда, да и шаги были лишь одного человека. Это не они.

— Ты не оставил мне выбора. Видимо, придётся заночевать прямо тут. И, к твоему сведению, эти ступени чертовски холодные!

Возня за дверью сопровождалась неразборчивым ворчанием путника, решившего расположиться на ночлег у входа в храм.

— Не хотел бы я оказаться на твоём месте. Ты только представь, каково тебе будет? Утро, солнце и ооченевшее тело на пороге. Ты, наверное, подумаеть "Не страшно. Ещё одна заблудшая душа представилась и Спаситель распахнул пред ней свои врата"...

Говоривший оборвал свою историю, а следом послышался шорох. Торен на цыпочках как можно ближе подкрался ко входу и, убедившись, что засов на месте, затаился.

— Мне даже интересно, какое будет у тебя выражение лица, когда поймешь, что представившийся — это я?

Судя по звукам, незнакомец раскуривал трубку.

— Как только ты поймешь, что медвежий сон и старческая глухота, стали причиной непоправимого, тебя начнет изводить совесть. Вот тут бы я посмотрел на тебя!

Видимо, представив красочную картину, незнакомец громко засмеялся. Через мгновение смех сменился сильным приступом кашля.

— По-видимому, твой Спаситель покарал меня за шутки над своим слугой. Да и ладно. Давай, досматривай свои сны, старый пень, и не переживай за меня. Я встречу рассвет на этих ступенях с самым славным табаком во всей округе. Правда, я хотел поделиться им с тобой. Но после такого приёма желание чудным образом куда-то исчезло, — с обидой подытожил своё положение путник.

Стоя в тёмном углу, Торен пытался побороть разбушевавшееся воображение. Ночной посетитель. Зачем ему понадобился старик? Да ещё в столь позднее время. Говоривший был совершенно спокоен, и это внушало уверенность в искренности его слов. Правда незнакомец и не подозревал, что тот, с кем он так жаждал встречи, уже упокоился, а его место занял другой.

Стоит ли впустить гостя и объясниться? Но что сказать? Правду? А если он в неё не поверит и решит, что именно он, Торен, прикончил старика? Как поступить? Как? Быть может, открыться и будь что будет? Но так рисковать Торен не смел. Не сейчас и, тем более, не в таких обстоятельствах.

Медленно отступая, он стал удаляться от входной двери. Но в голове промелькнуло "шанс". Настоятель обернулся. Спасение или гибель? Что именно скрывается по ту сторону? Желание встретиться с незнакомцем всколыхнуло порабощённую страхом душу. Смелость, сравни хмели, пьянила и отвергала нерешительность. Торен, словно околдованный, направился ко входу. Где-то в глубине души недавний он кричал нынешнему остановиться. Но новый пастырь был глух к мольбе труса.

Стоило убрать засов и распахнуть дверь, как вся решительность сразу же испарилась. Торен увидел сидящего спиной к нему незнакомца.

Укутанный в плащ он сидел весь в дыму. Скрип двери прервал безмятежное курение.

— Ну, наконец-то! Мирас, я думал мне и спа... — поднявшись, незнакомец замер в замешательстве. Приветственная речь так и не была закончена.

— Я не Мирас.

Как же глупо было начинать знакомство с очевидных вещей. Путник и так уже успел убедиться, что его встречает не старый друг.

— И правда. На старика ты не похож. Позволь представиться. Ариман.

Гость опустил капюшон и с добродушной улыбкой поприветствовал Торена. Юноша, высокий и крепкий, держался совершенно непринуждённо, что говорило об уверенности в себе. Одежда отличного качества подчёркивала состоятельность владельца.

— А ты, я полагаю, столь долгожданный ученик нашего общего знакомого? — закусив основание курительной трубки и затянувшись, предположил Ариман.

— Ученик? Что вы? Нет! — делая секундные паузы, пастырь специально подводил акцент под значимость конечной фразы. — Я — настоятель здешней обители, — впервые за всё время данное назначение прозвучало с гордостью. Видимо, богатство одеяний гостя побудило Торена с важностью отметить свой пост.

— Однако, — слегка растерялся Ариман, — думаю, мой старый друг не обрадовался отставке. Он просил совсем об ином, и такое решение, наверняка, разбило ему сердце. Ты знаешь куда он направился?

Торен не знал, как правда о случившемся повлияет на стоявшего перед ним. Последствия могут быть слишком непредсказуемы. Стоит ли поддержать его заблуждения или открыть истину? Но времени для раздумья не было. Изумрудные глаза, так пристально смотревшие на него, вынуждали его к быстрым решениям.

— Простите, но боюсь у меня нет хороших новостей для вас. Спаситель, по неведомым причинам, призвал Мироса в своё Царствие, — склонив голову и возложив руки к груди, как того требовал обычай, Торен смиренно ждал реакции от незнакомца.

— Но как? Как это произошло?

Торен рассказал Ариману, что именно падение с верхних ступеней винтовой лестницы является очевидной причиной скоропостижной смерти Мираса. Также он не забыл упомянуть про почести, оказанные старцу при захоронении. Про выпитое вино и пьяный разговор с усопшим Торен решил умолчать.

— Благодарю за труды, пастырь.

— Я не мог поступить иначе. Это был мой долг.

— Как же мне быть? Путь сюда изрядно утомил меня, а обратная дорога явно прикончит, — за шуткой гость пытался скрыть свою растерянность, но грустный голос выдавал его тревоги.

— Простите моё любопытство, но позвольте узнать, как Вы оказались здесь, да ещё в такой час?

— Так же, как и всякий, кто оказывался на острове. Приплыл на корабле.

— Но зачем? Тут ведь кроме каторжников и тех, кто стережет их, никого не найти.

— Боюсь, Вы забыли про пастыря.

Торен подловил себя на мысли, что это уже не первый раз за разговор, когда гость заставил его почувствовать себя глупо. Самолюбие Торена было подпорчено.

— Я всего лишь пастух вернувшийся к своему стаду, — продолжил Ариман. — Ведь господин должен время от времени проверять свои владения и знать о происходящем здесь.

— Так вы барон? — в душе Торена промелькнула надежда.

— Ну, не совсем, — рассмеялся Ариман, но тут же оборвал себя, поёжившись от резкого порыва ветра. — Я уже и забыл, насколько колким бывает морской ветер.

— Как я мог? Позвольте. Прошу, входите, — пастырь пригласил уставшего путника к

своему очагу.

Серые стены маяка прекрасно удерживали тепло жаровни, освещающей тёмные воды, а комната всегда была нагрета и спасала своих обитателей от лютых ветров. Стоило немного повозиться с кремниевым камнем, и пламя от зажжённых свечей тут же осветило скромные покои.

— Прошу прощения, но у меня не прибрано, — оправдываясь за беспорядок от раскинутых книг и вещей, тихо проговорил Торен.

— Не страшно. Главное, что тут тепло.

— Вы не будете против моего любопытства? — Торен чувствовал, что решительность таяла и начала подводить его. "Ну и пусть! Шанс! Это мой Шанс". — Видите ли, этот пост лишил меня возможности живого общения, — "Давай же, играй. Грусть и смирение, вот что сейчас нужно. Пусть у него в груди защежит от несправедливости, постигшей меня", — тем более с лучшими и благороднейшими из нашего общества.

— Что ты, нет, даже напротив. Ведь сегодняшняя ночь так похожа на те, когда Мирас и я коротали время за душевными разговорами, — устроившись поудобней на скамье и облокотившись спиной о каменную стену, Ариман продолжил. — Не знаю, будет ли мой рассказ интересен, но решать это уже тебе, Торен. Всё очень банально. Сын и единственный законный наследник барона Естреда, который в силу своего возраста большую часть своих полномочий возложил на будущего главу семьи. На меня! — с самодовольной улыбкой кивнул он Торену. — Детство у меня было не из лёгких.

"Нелёгкое детство!" — неунемающееся эхо, отражённое от стен, звучало в голове у пастыря. Внутри разгоралось пламя.

— Отец заменил себя кучкой старых глупцов. "Мудрость этих мужей, сравни кузнечному молоту, создадут из тебя будущее нашего дома". Как он мог? Разве трудно было понять, что я просто нуждался в отцовской любви, а он подменил её толпой напыщенных, самовлюбленных... — упоминание об отце ранило Аримана. С каждым словом голос становился всё громче, но вовремя одёрнув себя, он продолжил уже со свойственной ему интонацией. — Думаю, не время об этом говорить. Тебя, наверное, больше интересует наше знакомство с Мирасом?

— Если Вы хотите, можем продолжить и про ваши отношения с отцом.

— Ох, нет! О таком я мог говорить только с одним человеком и лучше уж я расскажу про него. В далёком прошлом царским указом этот клочок суши, окружённый со всех сторон солёной водой, был дарован моему прапрадеду. Здешние шахты приносили отличный доход короне, но с тех пор, как столицу перенесли на юг, контроль за рудником стал нашей обязанностью. На самом деле, нехитрое занятие. Следить, чтоб количество каторжников, свозимых из многих уюлков страны, не опускалось до низких пределов, ведь это приведет к упадку выработки, а значит, и к вниманию престола. Да и о судьбах обречённых здесь сильно хлопотать не нужно. Не сдох от рабского труда — считай счастливчик. По правде, скотина, выращенная в моих владения, обходится куда дороже, чем эта свора уголовников. — задумавшись и впившись взором на полки с книгами, висевшими над столом, Ариман спустя мгновение продолжил. — А теперь представьте себе моё удивление. Тут на клочке суши, давно забытом самим Спасителем, с гордо поднятой головой стоял Его верный слуга, Мирас. Уже позже, имея возможность поговорить с ним, я понял, как силён был этот человек. Его непоколебимая вера, словно маяк, для заблудших и ищущих спасения, возвращала души отчаявшихся на истинный путь. Он говорил со мной, а его слова лечили то,

что не могли исцелить многие. Признаюсь, его стараниями я изменился. Он научил меня смирению и преклонению пред волею судьбы, дарованной нам свыше. Как жаль, что меня не оказалось рядом в последний миг его земного пути.

— Вы были очень близки, — изображая печаль на лице, восхитился дружбе Торен.

Из дальнейшего рассказа Торен узнал о трагической судьбе Мираса. Прекрасное начало службы, свой приход, большая паства. Но счастье рухнуло в один момент. Властная и богатая дама в своем письме известила Совет светлейших о нечестивых приставаниях к ней со стороны тогда ещё молодого служителя. Церковь не стала разбираться, ей проще было поддержать обвинения. И вот Мирас и оказался на корабле, причалившем к берегу острова. По стечению обстоятельств отец Томми, скоропостижно скончался от недуга, долгие годы мучающего его. Так что лучшей кандидатуры на пост было не сыскать. Так Мирас получил место своего предшественника и на долгие годы стал пристанищем надежды для всех обитателей этой тюрьмы.

— Я часто виню себя. Ведь будь я старше и обладай той властью что есть сейчас, судьба моего друга могла сложиться совсем иначе, — сделав глоток из своего бурдюка, Ариман спросил у Торена. — Позвольте спросить, а в чём повинен ты?

Торен растерялся от прямоты, с которой был задан вопрос. Подобрать нужные слова не получилось.

— Повинен?

— Я всегда считал места подобные этому наказанием. Сюда ссылают за грехи или за проигрыш в битве с властью. Но увидев тебя, я сразу понял — грех.

Торен готов был поклясться, что последняя фраза прозвучала с издевкой. Богатый баловень судьбы. Отвращение — именно такое чувство пробуждал нахальный гость.

— Что Вы! Моя судьба скорее схожа с вашим другом. Грех был, но точно не за мной.

— Как интересно!

— Не так, как мне.

Торен знал, как стоит обращаться со знатными и властными людьми. Не вздумай просить прямо о том, что нужно, это лишь возвысит их и отвернёт от вашей просьбы. Они как взбалмошные дети, мольбы и просьбы, не действуют на них. Лишь направляя и доведя до нужного момента, не упустив мгновенье и слегка подтолкнув. Так зародится вера, что выбор сделан ими. Ну а ты, словно родитель сорванца, получишь нужный тебе результат.

— Ну, что же, мне показалось, у нас доверительная беседа. Но, видимо, я был неправ.

— Прошу, поверьте, мне не составит труда ответить. Но у Вас может сложиться неправильное суждение о "достоинейших представителях нашей с вами веры", а я бы хотел этого избежать, — пытаюсь почувствовать тонкую грань допустимого, продолжал играть Торен. Главное — не перегнуть в своей упёртости.

— Брось, Торен. В семье не без урода, и даже в такой непогрешимой, как ваша. Думаете, рассказ без упоминания "достоинейшего", не способен решить твои затруднения? — в примирительной улыбке продолжал настаивать на своем барон.

— Скорее да, чем нет.

Готово. Теперь предстояло разжалобить сердце барона. Но как? Сравнить себя с его погибшим другом, и тогда спасение, которое он готовил для Мираса, возможно, достанется нынешнему настоятелю.

Торен долго рассказывал о своем прошлом. Всё повествование сводилось к ярким эмоциональным потрясениям и тому, как вопреки всему он находил благие помыслы на

своем тернистом жизненном пути. То, что должно было породить злобу и обиду, он заменял любовью и смирением. Все прихоти судьбы лишь закаляли, даруя истинные цели в жизни — поведать людям откровение, носителем которого он стал. Зависть тех, кто окружал его, постоянно вмешивалась в эти планы. Но заточение на этом острове не в силах изменить его стремлений. Он верует, что Спаситель не покинет и в этот трудный час, даруя милость верному слуге.

Торен дивился самому себе. Насколько был разителен сотворённый им образ! Но верит ли в него барон? Весь рассказ пастырь наблюдал за Ариманом в надежде понять его чувства. Но он, словно загадка, скрывал истину за раздражающим Торена спокойствием.

— Надеюсь, я не утомил Вас?

— Нисколько, — стоя спиной к пастырю и рассматривая наваленные горой книги на залитом воске столе, рассуждал гость. — Знаешь, я поражаюсь твоей силе духа. Так стойко держать удар судьбы и не сломиться способны единицы.

— Благодарю, это добрые слова, барон, но признаюсь, подобное далось мне нелегко. Я многое бы отдал за возможность избежать такого рода испытаний, но видимо Спаситель видит все иначе.

— Ты хороший человек, Торен, и мне становится вдвойне обидно за несправедливость, постигшую тебя. — Ариман обернулся, и его изумрудные глаза вцепились в собеседника, словно острые когти коршуна в маленькую тушку мыши. — Что скажешь, если я предложу тебе возможность исправить такое ужасное стечение обстоятельств и попытаться изменить свою судьбу, не дожидаясь вмешательства свыше?

— Боюсь, я не понимаю о чём Вы, Ариман.

— Хм, скажем так, в моих владениях завелся волк в овечьей шкуре. Его стремление к власти и наживе сравнится лишь с распутством и пристрастием к вину. Люди шепчутся, как низко пал слуга, а главная забава среди мирян — подсчет его грехов. Призвать к ответу за грехи я не в праве, да и Церковь не позволит. Своих они оберегают. Что скажешь, Торен? Как мне быть?

— Да, прилюдному судейству не дадут свершиться. Ведь такого рода процесс кинет тень на всех. Остается только обратиться напрямую к Архонту. И вероятность того, что его снимут и без лишней пыли и суеты уберут из ваших земель очень велика.

— Но вот кого пришлют ему на замену? Мне бы очень не хотелось менять одну прогнившую душу на другую.

— Остается только верить в прозорливость Совета и милость Спасителя, дабы они даровали Вам достойнейшего из своих слуг.

— А что ты скажешь на моё нежелание отдаваться на откуп судьбе? Думаю, в моём праве будет настаивать на знакомом мне избраннике.

— Я даже не знаю, как отреагирует Совет на Вашу просьбу?

— Просьбу?! — звонкий смех в тот же момент заполнил небольшую комнату. — Что ты! Это будет не просьба а, скорее — как бы это правильней сказать — руководство к действиям.

— Думаю, Ваше пожелание можно будет поддержать. Тем более, что предыдущий пастырь сильно пренебрёг заветами. Вам лишь останется найти достойную замену.

— Еще раз повторю. Просьбы — это не моё. Но опустим данную формулировку. А что касается замены, то я уже нашёл достойного приемника, и он сидит напротив меня.

В воздухе воцарилась тишина. Ариман не отпуская свой взгляд с пастыря и ожидал его

реакции на сказанное.

Перепополняемый эмоциями Торен не находил себе места. Он чувствовал, как улыбка на его лице буквально кричала о всех его переживаниях. Представить себе такое было немислимо. Столь желанное спасение само протягивало ему руку, а всё, что требовалось от него, — сказать...

— Как же так?

— А вот так!

— Но Вы совсем не знаете меня? Не слишком ли рискованный для Вас шаг?

— Это уже второй раз, когда ты заставил меня усомниться в выводах. Разве рассказанное тобой было ложью? Или я не смогу рассчитывать на твою верность, стань ты наместником в Верхней Латире?

— Что Вы! Нет! Всё сказанное — правда.

— Так что же ты, примешь дар?

— Да, принимаю!

— Ну вот и славно, — Ариман схватил листок бумаги, лежавший на столе, и протянул его Торену. — Пиши.

— Но что писать?

— Прошение на моё имя, которое я передам Совету.

Руки Торена тряслись от перепополнявших его чувств. Шанс. Он получил. Сбывались самые светлые мечты. Большой приход, многочисленная паства, а также славный барон, под покровительством которого и будет служба. Такого он недавно и представить не мог. А теперь, парит, как сокол. Его звезда восходит на бесконечный небосвод. Но вдруг откажут? Что тогда?

— А если Совет не примет Ваше слово?

— Примет! Поверь мне, Торен. Всё, что от тебя зависело, ты уже сделал — не отказался от предложения.

Уверенность, с которой он говорил, передалась и Торену. Он точно знает, как всё будет. Бояться нечего!

Спустя некоторое время письмо, составленное славным почерком, было окончено. Внизу — роспись и титул. Сложив письмо, Торен налил красный воск и скрепил его печатью с символом Спасителя.

— Вот, прошу, возьмите.

— Я рад, что не ошибся в тебе, — Ариман убрал письмо в карман.

— И что теперь? — в голосе послышалась растерянность.

— Тебе нужно запастись терпением. Все эти письменные дела не так уж скоры.

— Но сколько ждать? — не унимался Торен.

— Не вечность! — расхохотался барон. — Сперва я вернусь на свой корабль, и днем мы отплывём домой. Ну, а дальше пошлю с гонцом письмо и буду ждать ответа. Сюда вернусь не раньше, чем через два десятка дней. Ну ладно, не печалься, пастырь. Всё лучше, чем годами прозябать на здешних скалах.

— Вы правы. Обидно только, что нечем мне ответить на Вашу доброту.

— Будет ещё время. Верностью вернёшь долг свой. Большого мне и не надо.

Ариман начал собираться в обратный путь.

— Уходите?

— Пора. Рассвет уж скоро, а мне ещё до рудника добраться к полудню надо.

— Как жаль.

— Не отчаивайся, время пролетит как миг. Главное — найти занятие.

— Ну, да. Буду ждать Вашего возвращения, барон, столько, сколько потребуется.

Ариман уже спустился со ступенек, но вдруг повернулся к Торену с печальным лицом:

— Ах, чуть не забыл.

— Что именно?

— У Мираса был дневник. Ты знаешь о нём?

— Да, видел.

— Не покажусь ли я чрезмерно наглым, если попрошу у тебя его?

— Конечно, нет, — Торен вернулся в комнату. Дневник лежал поверх кучи наваленных книг.

— Вот, прошу.

— Благодарю. Ты оказали мне любезность, и это очень многого стоит. Память о друге будет всегда со мной.

Одинокий пастырь застыл в дверях своей обители, устремляя свой взор в даль.

Солнечный диск поднимался от линии горизонта, прогоняя ночную мглу и рождая надежду в сердцах всех, кто дожил до этого мига.

Толстые канаты пришли в движение и потянулись вверх, увлекая за собой деревянный настил. Подъёмник — единственный путь наружу из тёмных каменных туннелей, протянувшихся на многие километры под скалой. Некоторые ходы были так глубоки, что уходили под морскую толщу воды. Бывали случаи, когда неосмотрительные рудокопы приближались к морскому дну. Не выдержав напора, стены туннелей рушились, и вода бурными потоками врывалась в узкое пространство под землей, погребая под собой счастливиц. В таких случаях шахта заваливалась горной породой, и тут же рылся новый проход с поправкой на глубину. Но эта смерть была гуманна.

Хуже, когда кто-то неосмотрительный отбивался от общей массы и терялся в тёмных лабиринтах, обрекая себя на мучительную, голодную смерть. Сколько так сгинуло народу, было невозможно подсчитать, да, и по правде, всем было плевать.

Не пройдёт много времени, как на место погибших встанут новые каторжники. Ведь жизнь за пределами острова была далеко не сахар. Бедность и несправедливость в обществе ставили человека перед трудным выбором. Совершить преступление и прокормить семью или лишиться её возможности на выживание. И неудивительно, многие выбирали риск, но лишь единицам удавалось избежать последствий от выбранного ими пути. Поэтому живая сила была в избытке, а если так, то зачем вести подсчет мертвецов?

Джек пребывал в нетерпении. Тело и глаза изголодались по яркому солнечному свету, который не мог заменить собой тусклый свет факелов. Всю неделю он провёл под землей, в непрерывном надзоре за каторжниками, лишь изредка позволяя себе поесть и сомкнуть глаза.

Платформа зашаталась под ногами и тут же раздался скрежет от тормозного механизма. Приехали, понял Джек. Не став медлить и отворив дверцу, он с радостью ступил на твердую поверхность под ногами. Даже спустя столько времени он никак не мог привыкнуть к пустоте под собой. Одна мысль, что тросы могут лопнуть, и он сорвётся во тьму, заставляла его сердце сжиматься.

Пройдя немного вперёд, он услышал приближающиеся шаги. Вскоре в тоннеле показалась очередная смена караула. Идущего во главе колонны он сразу узнал. Уогнер — один из старейших и опытных надзирателей.

— Привет! — радостно поздоровался Уогнер.

— И тебе здравствовать, — Джек протянул руку.

— Давненько тебя не видел. Куда запропастился?

— Служба, — сухо ответил Джек, попутно приветствуя остальных.

— А я слышал, мол старик на тебя взелся и нарядов надавал.

Стариком часто называли Гарри из-за его долгой службы на рудниках.

— Было такое, — улыбка на лице оказалась натянутой.

— Где же ты ему так насолил?

— Это уже в прошлом.

— Оно и верно. Ладно, пойду я своих догонять, а то ещё заблудятся там, — усмехнулся Уогнер.

— А ты куда направляешься? — поинтересовался Джек.

— Да в самый низ. Вчера новеньких привезли, и старик попросил меня последить за ними. Говорят, отборное отребье, здоровенные и злобные, словно дикие псы.

— Ничего, скоро они поймут куда попали и присмирят. Но ты аккуратней с ними, мало ли что.

— А то. А потом, после смены, отправлюсь с первым кораблем на большую землю, косточки поразмять. Гарри лично мне обещал.

— Он держит слово.

— А то! — Уогнер на секунду задумался. — Ты про Фергуса слышал? В общем, вчера вечером в столовой этот недоумок решил обыграть в напёрстки Джозефа.

Все знали, что с Джо лучше не играть в азартные игры. Он либо фортовый, либо отличный жулик. Правда, ещё никто не смог поймать его за рукав.

— Ну, и результат был ожидаемый. Проигравшись подчистую, да ещё оставшись должным, Фергус попал в полную власть Джозефа. А тот отказался ждать свои монеты и решил проучить бедолагу. Короче. Вышли мы все из столовки и отправились к Кимболу...

Кимбол был ответственным за всю товарку в лагере. Была у него одна гордость. Самая жирная свиноматка, его любимица. Каждый сезон она рожала ему до тридцати поросят, а после он продавал их сам себе, на нужды каторги, оплачивая деньгами компании. Одним словом, золотая жила для ушлого Кимбола.

— Джо заставил бедолагу в счёт долга объездить эту жирную свинью. Деваться некуда. Долг — есть долг. Это надо было видеть! Фергус перемахнул через забор и, словно дикий зверь, стал красться на цыпочках к своей ничего не подозревающей жертве. Подошёл вплотную, значит, и одним рывком вскочил на неё. Ухватился за уши и вдарил в жирные бока сапогами. Та с диким визгом сорвалась с места и начала кружить по вольеру. Ну, и как ты догадался, немного погодя, на пороге своей лачуги показался голый Кимбол. Он так спешил на помощь своей подруге, что забыл про одежду. А Джозеф возьми, да открой вольер. Хрен знает, как это у него получилось. Боевая свинья сразу в проем и выскользнула, вместе с седоком на ней. Кимбол, как есть, кинулся ловить их по всему лагерю. От такой картины мы все животы понадрывали. Фергус свалился со свиньи и дал деру от разгневанного Кимбола. Правда, паренёк оказался прытким и все-таки успел удрать. Проклятий он наслушался в свой адрес — просто жуть.

— Вот умора!

— А то! — задыхаясь от смеха, заверил Уогнер.

— Ладно, пойду я, — вытирая проявившиеся от смеха слезы, сказал Джек.

— И я, пожалуй, а то ещё своих догонять. Береги себя, — попрощался Уогнер и скрылся за поворотом тоннеля.

Прикрыв глаза ладонью, Джек ступил за свод пещеры, защищённой металлической решёткой. Каждый выход из шахт ограждался такими преградами. Сделано это было для безопасности, на случай бунта. Ведь часть рабов нередко проводила в шахтах несколько дней. Особенно, это касалось тех работ, что велись в самых отдалённых уголках. В случае восстания решётки запирались на металлические цепи с замками, и к ним выставлялась стража. Пара лучников без труда могут удерживать выход из скалы, не давая возможности снести с петель тяжёлые врата. В конечном итоге, бунт сходил на нет. Голод, как главное оружие усмирения, работал безотказно.

Первое, что встретило Джека — шум от живущего полной жизнью лагеря. Раскинутый подле величественной горы, со свойственным ему укладом, лагерь существовал уже не одну

сотню лет. На первый взгляд, поселение могло показаться совсем небольшим. Основным и массивным строением был дом Гарри. Построенный на скалистом выступе он возвышался над округой, давая прекрасную возможность наблюдать за всем происходящим. Незаменимая возможность для главного надзирателя. Вторым по значению зданием была столовая, в которой по вечерам собирались незадействованные в нарядах стражи, весело проводящие за кружкой поганого пойла свободное время. Две казармы расположились поодаль друг от друга, напротив основных туннелей ведущих на поверхность. "Разумное расположение" — в очередной раз подметил для себя Джек. Загоны для скотины и небольшая конюшня, в которой лошадей было куда меньше, чем рабочих мулов, медлительных и упертых, находились поодаль.

Но главной достопримечательностью считался воздвигнутый в далёкие времена обелиск, устремлённый своим острием в небосвод на многие метры. Сверху вниз тянулись имена здешних работников, покинувших этот грешный мир. Имена выбивались каменщиками, и их протяжённый список уже подходил к самому основанию стеллы. Места оставалось все меньше и меньше. "Не дождёшься! Не будет моего имени на твоём теле!" — словно расписав свою судьбу до самого занавеса, рассуждал Джек.

Всё поселение окружал невысокий частокол, ограждавший скорее от ветреных потоков, гонимых с моря, нежели от нападения извне. Да и откуда тут взяться врагам? Окраина империи, на забытом всеми богами ничтожном клочке суши. Да, был ещё порт, дорога к которому начиналась за северными воротами. Построенный в самом глубоком месте, на прибрежной части острова, он без труда способствовал заходу больших кораблей. На них привозили осужденных — рабов. Обрато на материк доставляли добытые здесь металлы. В пользовании у стражи были лодки. Они использовались больше для рыбной ловли, но иногда на них добирались и до рыбацкого городка.

Внешняя часть лагеря не шла ни в какое сравнение с тем, что было скрыто в самой скале. Помимо постоянно разрастающихся тоннелей, старые отработанные шахты часто отводились под местные нужды. Так, в самой скале был главный склад. В нём хранилось не только добытое из недр, но и запасы еды, и весь остальной провиант. Несколько выдолбленных в самой горе комнат: оружейных и жилых — для местного гарнизона. Также для заключенных располагались огромных размеров залы, в каждом из которых могло находиться более трёхсот человек. Так что лагерь больше напоминал собой муравейник. Снаружи находилась небольшая часть колонии, а всё самое важное и необъятное жило под землей.

Протерев глаза и поняв, что свет больше не причиняет ему боли, Джек напрямую, через весь лагерь, отправился в столовую. У него было неотложное дело, требующее его присутствия. Правая створка входных дверей была приоткрыта, видимо, для проветривания душного помещения. Зайдя внутрь, Джек, вскинув руку, поприветствовал своих сослуживцев и без промедления двинулся к кабинету Винса.

Кругловатый мужчина с редкой бородой навис над своим столом и, раздувая щеки от умственного напряжения, пытался разобраться в отчетных бумагах.

— Здравствуй, Винс, — нерешительно прервал его Джек.

Маленькие карие глаза тут же перекочевали с листов бумаги на ворвавшегося наглеца. Но стоило Винсу собраться с мыслями и узнать гостя, он тут же скомандовал:

— Проходи и закрой за собой дверь. Ты опоздал, — он откинулся на спинку стула.

— Прости, были обстоятельства, — закрыв за собой дверь, Джек сел на свободный стул.

Из-за отсутствия окон в небольшой комнате всегда царил полумрак, а воздух пропитался запахом истлевших свечей. Вдоль стен тянулись старые и повидавшие жизнь шкафы, заваленные исписанными бумагами. Распоряжения и накладные хранили множество тайн, в которых и пропадал хозяин странной комнатухи. По центру маленького помещения располагался деревянный стол с приставленной к нему тумбочкой. Тумбочка — единственное место, где всегда был порядок — только наполненный вином графин да пара стаканов.

— Слышал и знаю. От того и не серчаю на тебя, — примирительно сказал Винс.

— Я, как освободился, сразу к тебе.

Джек заметил на себе уставший взгляд тучного собеседника.

— Пить хочешь?

— Не откажусь, — охотно согласился Джек.

— Вон, на тумбочке стоит графин. Наливай.

Зная изысканный вкус хозяина, глупо было отказываться от такого предложения. Винс никогда не держал паршивого поила в своём кабинете.

— Так зачем пришел? — не став дожидаться пока Джек утолит свою жажду, поинтересовался Винс.

— Как зачем? У нас же с тобой дело, — залпом допив вино, не скрывая удивления, ответил Джек.

— Ты принес деньги?

— Ещё нет. Но деньги будут, как только Гарри рассчитает меня.

— Тогда почему ты сразу к нему не пошёл?

— Мне показалось, лучше сперва зайти к тебе и узнать не поменялось ли...

— Все в силе, — пресёк на корню необоснованные домыслы Винс. — Лучше поспеши, пока Гарри у себя, а то вдруг опять отправится в шахты и затеряется там на пару дней.

— Спасибо тебе, — повеселел Джек. — Тогда я пойду?

— Иди, — пожал плечами Винс.

Джек замер у входной двери и все никак не решался спросить.

— Ещё что-то?

— Да. Я хотел узнать, как он там?

— Всё хорошо. Тебе не стоит переживать. Я держу своё слово, пока ты держишь своё, — совершенно спокойным и деловым тоном пояснил Винс.

— Спасибо, — но видя, как собеседник уже успел вернуться к своим цифрам, Джек решил отложить этот разговор на потом.

Он застал Гарри на заднем дворе дома. Сидя на скамье тот устремил свой взор на морские волны, без устали накатывающие на золотистый берег и непрерывно омывающие песчаную гальку. Сам двор был окружен разнообразной растительностью. Небольшие кусты и цветы вырывали из серых и однообразных будней лагерной жизни, даруя возможность побыть наедине с самим собой. Никто из здешних даже не подозревал, что Гарри, старший смотритель, самый суровый из всех своих предшественников, лично, своими руками и вырастил этот чудесный сад. Странное хобби для такого как он. Джек уже не представлял своего наставника без данного уголка безмятежности.

— Не помешаю?

Сидевший доселе неподвижно Гарри лишь поднял вверх руку и жестом пригласил ученика подойти поближе. "Он знал что я приду", — промелькнуло в голове у Джека.

Пройдя по узкой дорожке ведущей до самой скамьи, он присел подле учителя.

— Давно ты сюда не приходил, — словно укоряя гостя, начал Гарри.

— Так служба же, — решив не напоминать о своём наказании, абстрактно ответил Джек.

— Верно. Служба.

Интонация и скорость, с которой говорил учитель, насторожили Джека.

— У тебя все хорошо? — спросил он.

Словно придя в себя от вопроса, Гарри обернулся.

— Прости. Я просто размышлял и никак не мог прогнать свои мысли. Но твой приход помог мне справиться с их наваждением. — Кивнув в знак благодарности, подытожил наставник.

— Что за мысли?

— Да так, пустяк, — Гарри усмехнулся и отвёл свой взгляд. — Состарился я и даже не заметил, как это произошло.

Джек впервые слышал подобное откровение от учителя. Он всегда был несокрушимый и нестигаемый. Казалось, что и сам мир признавал его силу. А тут такое!

— Ты ведь несерьёзно? Главный надзиратель, гроза бандитов, каторжников и непререкаемый авторитет среди своих. Ты ни разу не прогибался под обстоятельствами и всегда находил выход, даже там, где многие предпочитали сдаться. Прости, но я не верю, что какие-то года способны сломить твою решимость.

— Скоро мне стукнет пятьдесят. Я чувствую, как с каждым прожитым днём мне всё трудней становится держать осанку. Просыпаясь по утрам, тело изнывает от ломоты, словно канатный трос под тяжестью поддона, поднимаемого с самых низов наших шахт. Что это, если не старость?

— Думаю, ты просто устал. Тебе бы сменить обстановку, развеяться. Может, в рыбацкий городок заглянешь, пощупаешь тамошних девок, и хмурые мысли покинут тебя. Вон, Уогнер от одной мысли о девках сразу приободрился.

— Уогнер? Дурень, что называет меня стариком?

— Разве? — растерявшись и поняв свою ошибку, смутился Джек. Не стоило упоминать о нём.

— Впрочем, не так уж он и неправ. Но я говорил о другом. Вот взять в пример тебя. Ты молод. Твой срок пребывания в этой тюрьме скоро подойдет к концу, и пред тобой будет открыт целый мир. Куда ты отправишься и чем займёшься? Ты думал об этом?

Джек опешил от заданного ему вопроса. Нет, он часто думал, что будет после его освобождения. Но Гарри впервые лично спросил его об этом.

— Не знаю, — искренне признался Джек.

— Тогда послушай мой главный совет. Не будь как я.

— Не понимаю...

— Не перебивай и выслушай. Будучи юнцом, под стать тебе, я прибыл на этот остров. Это был мой выбор, никто меня не заставлял его сделать. С самых первых дней все мои усилия были направлены на достижения цели — стать лучшим из стражей, а после — возглавить гарнизон. Так и вышло. Мне безумно нравилось, когда каторжники, завидев меня, опускали свой взор себе под ноги и молились богам, чтобы я прошёл мимо. Власть — страшное слово. Оно поглощает твою душу и наделяет сердце счастьем. Но всё это оказалось пустым. Лишь спустя прожитые годы, я понял это. Осознание, словно пущенная стрела,

пробило мой разум. Я попросту утратил драгоценное время — свою жизнь. У меня нет самого главного, истинного счастья, — встав со скамьи Гарри подошёл к обрыву своего сада и не оборачиваясь к Джеку, задал вопрос. — Ты понимаешь о чем я?

— Нет, — изумился ученик.

— Семья, — выдохнув и немного ссутулившись, продолжил Гарри. — У меня нет никого, я одинок. Ты говорил про девок. Они могут утолить похоть, но не решить главного. Каждому сердцу нужна своя половина. Та, которая пройдёт с тобой по жизненному пути и подарит радость родственной близости. А после, если позволят боги, у вас появятся вездесущие и озорные малыши. Ты построишь дом, и дети наполнят его своим смехом. Сама возможность видеть, как они растут, сделает тебя самым счастливым человеком. Ты спросишь откуда мне это известно? Да глядя на тебя, я осознал всю глубину своих прошлых заблуждений. Ты словно кровный сын, которого никогда не было и уже не будет у меня. Сама мысль о скором твоём отъезде сделала из меня самого несчастного человека. Неизбежность, что я останусь один, открыла мне глаза, на то, кто я и чего добился. Одинокий старик, ни больше и ни меньше.

Джек замер в нерешительности. Он даже помыслить не мог о подобном в душе своего наставника. Услышанное стало откровением, застигшим его врасплох. Гарри прав. Скорая свобода пьянила и манила. Хотелось скорее сбежать с этого острова. Но теперь, как быть теперь?

— Я могу остаться, — как дико прозвучала эта фраза.

— Остаться? Что ты? Нет! Я буду первый, кто запретит тебе подобное и лично прогоню за шиворот с этой убогой земли.

— А я останусь! — неожиданно для себя стал упорствовать Джек.

— Глупец! Ты видимо не слушал меня, — обернувшись к нему, разгневался Гарри. — Пойми, я не позволю тебе сгинуть здесь. Ты должен. Нет, ты обязан быть свободным. Плыви, как можно дальше, найди свою единственную и не смей отпускать, построй для неё дом и заделай столько детей, сколько сможешь. Расти их и воспитывай. Не будь подобен мне, старому, одинокому ворчуну, — подойдя вплотную, уже шепотом добавил Гарри. — Только прошу, не смей делать глупостей. Уйти отсюда надо по закону, иначе не будет тебе той жизни, о которой я поведал.

Последняя фраза болью отозвалась в сердце Джека. Зачем он так сказал? Неужто знает о планах? Растерянный взгляд встретился с карими глазами Гарри. Он знает, понял Джек. Но откуда?

— Но как ты... — хотел было объясниться Джек, но Гарри его прервал.

— Тихо. Слышишь? Узнаю быстрые шаги Райли.

И правда, спустя пару секунд Джек тоже услышал быстро приближающегося человека.

— Гарри! Скорее, Гарри! — ещё находясь по ту сторону заднего дворика, уже кричал стукач.

Дверь резко распахнулась, и горбун буквально повис на ней от усталости.

— Ну, что молчишь? — рявкнул на него главарь.

— Бунт, — единственное, что смог вымолвить горбун.

— Кто?! — расвирепел Гарри.

В этот момент Джек увидел, как переменился учитель. Ещё минуту назад старик роптал на свою судьбу, а сейчас пред ними стоял свирепый надзиратель, неведущий пощады.

— Не молчи, собака!

— Человек Уогнера поднялся из тоннелей весь в крови. Он сказал, что всю его группу перебили, а Уогнера порвали, словно соломенную куклу, надвое.

— Где он?

— В столовой. Но скоро сдохнет, — немного отдышавшись и придя в себя, чётче стал выговаривать слова Райли.

— Пададь! Так и знал, что с ними будут проблемы! — от души выругался Гарри.

В этот момент до слуха троицы донесся нарастающий звон колокола — сигнал тревоги.

— Это Томас, — рапортовал Горбун.

— Хорошо. Иди собирай людей и стройтесь у стеллы, а ты, Джек, за мной.

Следуя за учителем, Джек немного узнал, про кого именно говорил Гарри. Пару ночей назад к их порту пристал корабль. На борту был богатый "говнюк" с полусотней заключённых. Гарри они сразу не понравились, здоровые и агрессивные. Он сперва хотел послать богача куда подальше, но покусился на золото и принял этих верзил. Затем он перековал их в свои кандалы, велел спустить в самые дальние тоннели и заморить голодом, так как интуиция подсказывала, что будут проблемы. Именно поэтому он и отправил Уогнера с его ребятами вниз. Но как рабам удалось перебить целый отряд хорошо вооружённых стражников?

Облачившись в броню, Гарри вместе с Джеком отправились к остальным. Под стеллой собралось почти сто стражей, в кольчужных рубахах, с щитами и копьями.

— Слушайте меня! — начал свою речь командир к поднятому по тревоге гарнизону. — Там внизу сраные выродки убили наших друзей. Сейчас мы пойдём и вырежем каждую суку, что посмела пролить кровь наших ребят. Мы выпотрошим их никчёмные брюха, а после засыпем всю эту мертвую свору солью. И поверьте мне, ни одна долбаная тварь не сможет сожрать их плоть! Они будут гнить на солнце в знак назидания остальным ублюдкам, в чьих тупых головах может зародиться мысль о бунте! Тому, кто приведёт мне живьём отребье, убившее Уогнера, обещаю, я выкуплю всех шлюх в рыбацком городке на одну ночь, и пусть этот счастливчик молится всем богам, дабы они даровали ему сил на этих красоток! А если сил не хватит, то пусть берёт с собой троих друзей на эту оргию!

Последняя реплика Гарри пробудила радостный рёв. Он знал, как завести толпу. За пролитую кровь по его приказу он готов был заплатить по-царски, и людям это нравилось.

— Так идите к подъёмникам, спуститесь вниз и возьмите свое!

После этих слов толпа сорвалась с места и двинулась к двум главным ходам в шахты, подымая пыль от топота многочисленных ног.

— Джек, останься тут.

— Я пойду с тобой.

— Не время пререкаться. Ты нужен будешь здесь.

— Но почему?!

— Потому что я так решил. Я доверяю лишь тебе. Собери тех олухов, что опоздали, и держите подъёмники. Если рабы полезут наверх, срежьте канаты и уроните один подъёмник, второй держите для нас. Главное — не забывай про решетки. Ты понял меня?

— Да, — расстроившись, согласился с ним Джек. — Но если я буду тут, кто тебя прикроет?

— Томас и Райли пойдут со мной.

В этот момент Джек заметил как из-за спины учителя вырос силуэт Томаса в полном облачении.

— Ты справишься, юнец, — подмигнув, по-отцовски обнял его на прощание Гарри.

С того момента, как карательная экспедиция спустилась во тьму, прошло уже немало времени. Солнце успело войти в зенит и уже стремилось к краю морской глади. В первые часы после начала бунта из тоннелей поднимались небольшие группы каторжников с несколькими охранниками, теми, что были ближе к выходу. Заперев рабов за решетками и расспросив немногих очевидцев, Джеку стало понятно, что где-то глубоко под землей кучка рабов восстала и перебила своих надзирателей, а после пошла по тоннелям и стала убивать всех на своем пути. Правда, все опрошенные не видели самих бунтовщиков, а лишь слышали предсмертные крики умирающих. Голоса, отражённые от стен коридоров, могли пролетать огромные расстояния, вселяя панику в сердца остальных. Были и те, кто видел отряд Гарри продвигающийся всё глубже под землю, следуя на крики обречённых. Но уже никто не видел их, идущих в обратном направлении.

Джек не находил себе места и по десятому разу проверял, как выполняются его распоряжения. Заслоны выставлены у каждого подъемника. Подле них стоят по пятнадцать воинов, вооруженных арбалетами и луками, готовые стать непреодолимой стеной на пути к свободе бунтовщиков. Также он приказал снести носилки к самому подъемнику и организовать перевалочный госпиталь у стеллы на случай появления раненых. Он не сомневался, они будут.

Но время шло, и из крошечной тьмы перестали подниматься люди, будь то каторжники или его сослуживцы. Ожидание стало нестерпимым и ежесекундно изводило душу в неведении. Решив, что медлить больше нельзя, и ему нужны ответы на мучавшие вопросы, Джек собрал небольшой отряд смельчаков и стал готовиться к спуску вниз. Вдруг раздался крик.

— Поднимаются!

По двум тоннелям зашумели канаты. Самых подъемников ещё долго не было видно. Но натяжение канатов лучше всяких слов говорило, что те переполнены. Чем выше поднимались поддоны, тем отчётливей доносились голоса тех, кто находился на них. Крики и мольбы о помощи, проклятия и истерический плач вперемешку со стонами умирающих. Не такого возвращения ожидал Джек.

Когда оставалось не более ста метров до поверхности, какой-то из стоявших рядом стражников сбросил вниз горящий факел. Пламя скользнуло во тьму, даруя тусклое освещение для ожидавших наверху людей. Вскоре факел упал на сам подъемник. В его тусклом свете виднелись люди, взвалившиеся друг на друга и корчившиеся от боли. "Да они как черви в ведре", — промелькнуло в голове у Джека. С трудом на подъемниках могли разместиться до двадцати человек, а сейчас, даже по очень предварительным подсчетам, там находились около пятидесяти.

Скрежет от дерева разнёсся по помещению, и подъемник застыл. От представшей картины нескольких стражей сразу вырвало. Кровавые тела иногда подавали признаки жизни, ворочая конечностями. Одна сплошная кровавая масса, перемешанная с внутренностями и дерьмом умирающих людей. Тёмные потоки крови стекали сквозь деревянные щели во тьму, будто бы бездна пыталась вернуть сбежавшую от неё добычу.

— Вытаскивайте их! — совладав с собой, скомандовал Джек.

Он первым подскочил к раненым, пытаясь спасти тех, кому ещё можно было помочь. Люди мелькали с носилками, вытаскивая полуживых на свежий воздух, а Джек ворочил окровавленные тела. Он всё время выкрикивал имя своего учителя. Но тщетно, поддон

опустел, а вместе с ним и надежда найти Гарри. Словно не свои ноги несли его по залитой кровью тропе туда, куда сносили всех раненых. "Может я проморгал его? Ведь не мог же он остаться там, внизу?" На улице, подле стеллы, где ещё днем стояла сотня солдат, теперь лежали тела и те, кто вот-вот готовился отправиться к Спасителю. "Как такое возможно? Кучка рабов перебила опытных и вооруженных солдат?" Разум отказывался верить во всё происходящее в этот момент.

— Руби канаты! — знакомый голос выкрикнул из толпы.

Джек сразу узнал его. Райли. Если этот выжил, значит и Гарри жив! Кинувшись со всех ног, он, словно буря, налетел на окровавленного и обезумевшего горбуна, схватил его за плечи и закричал:

— Где Гарри? Где? Говори!

Тот лишь указал рукой в сторону столовой, где, оперевшись спиной о стену, одиноко сидел человек.

— Отпусти! — отмахнувшись, горбун схватил топор и направился к тоннелю, зазывая остальных рубить канаты.

Нерешительно и с опаской Джек подошёл к раненому. Не было сомнений, что это Гарри. Но жив ли он?

— Гарри?

— Скорее, то, что от него осталось, — съязвил учитель.

— Ты как?

— Могло быть и лучше.

— Что произошло? — Джек принялся осматривать его раны.

— Нас перебили, как щенят. Но это были не люди, — Гарри закашлялся и сплюнул кровью.

Вид у него был плачевный. Левая рука лежала поверх брюха, прикрывая распоротый живот. Кольчуга не спасла, её разорвали словно тряпичную рубаху, распоров плетение.

— Чем это тебя так?

— Когтями, — сухо ответил учитель.

— Когтями?

— У этих тварей безумно острые когти и хвост.

— Что ещё за твари?

— Да я и сам толком не понял. Сперва мы натолкнулись на обезумевших рабов. Они кидались на нас голые с кирками и камнями. Разобрались с ними быстро. Потом начался ад. Из-за спин рабов по потолку и стенам поползли отродья. Тела похожи на человеческие. Вместо лиц вытянутая морда и пасть, набитая клыками. Длинные лапы, а когти с лезвие ножа. Опасней всего оказался хвост. Зависая на потолке, они словно копьём орудовали по нашим людям, пронзая их в один удар. Мы подняли щиты и стали отходить. Томас ударил по деревянным опорам и обрушил тоннель. Твари и часть наших ребят остались под грудой породы.

Гарри снова закашлял и скорчился от боли, но вскоре продолжил:

— Мы бросили щиты и кинулись обратно к подъёмнику. Но упыри поодиночке нагоняли нас. Эти крики! Они до сих пор не смолкают у меня в ушах. У подъёмника, когда мы уже поверили в спасение, на нас напали. Мы бились и падали замертво, пока не заработал механизм. Один уродец спрыгнул на меня и ударил. Единственным касанием распорол мне кольчугу. Он бы прикончил меня, но Томас разможил ему башку своей

дубиной и помог мне залезть на поддон. На той гадине были такие же татуировки, как на одном из рабов, которых доставил торгаш, — Гарри склонил голову. — Томас выбраться не успел. На него сразу накинулись твари. Но видит Спаситель, даже тогда он не произнес ни слова. Как жил молчуном, так и умер.

Грохот раздался из пещер, и столб пыли ринулся наружу. Канаты срублены. Подъёмник рухнул во тьму. Теперь-то им сюда не подняться.

— Это их не остановит, тебе нужно бежать Джек, — словно прочитав мысли, сказал Гарри.

— А как же ты?

— Со мной кончено, а вот у тебя ещё есть шанс.

— Я не брошу тебя!

— Ещё как бросишь! Ты мне уже ничем не поможешь, — очередной приступ кашля, — а вот своему брату, да.

От услышанного у Джека отвисла челюсть.

— Но как?

— Да вот так! Я же старший надзиратель.

— Но почему ты мне раньше не сказал, что знаешь?

— Неважно. Бери братца, и валите отсюда. Но только не в порт, там будет резня. Весь этот бунт очень похож на спланированное нападение. "Золотые" рабы, восстание, твари — в такие совпадения я не верю. Ещё мне вчера сообщили, что корабль богатого ублюдка стоит рейдом неподалёку от острова. Думаю, он мчится к пристани или уже причалил. Значит вторая волна атаки будет с моря, и порт окажется ловушкой.

— Но куда тогда бежать?

— На маяк, к пастырю. Через два дня туда причалят контрабандисты с ними и отплывёте. И ещё одно. Помнишь в моем саду куст с белыми большими цветами?

— Да.

— Под его корневищем я зарыл все свои деньги. Как всё здесь устаканится, наведайся и забери. Это мой тебе подарок, — с улыбкой на лице проговорил Гарри, но вдруг замер и устремил свой взор на гору. — Они уже здесь.

Силы покидали Гарри, и говорить становилось всё труднее.

— Беги.

— Но я не оставлю тебя им!

— Оставишь! — Гарри оттолкнул от себя Джека.

— Но ты же мне как отец! — откровением для обоих прозвучали эти слова.

— Знаешь, малец, ты только что сделал меня самым счастливым из всех. Теперь даже умирать не страшно. Ведь я знаю, моя жизнь прожита не зря. — слёзы потекли по лицу Гарри. — А, проваливай уже, сын.

Поднявшись, Джек обнял старика и прошептал:

— Спасибо, отец.

Лопата и грабли лежали рядом. Рубаха полностью вымокла от стекающего ручьями пота. Солнце и физический труд порядком вымотали настоятеля, но дело того стоило. Застыв у могилы Мираса, он с упованием смотрел на проделанную работу.

Земля, покрывавшая тело прежнего настоятеля, была разбита граблями. Пришлось изрядно постараться, чтобы очистить её от растений, веток и твёрдых кусков грунта. Аккуратно сложенный холмик имел чёткие грани. Вокруг плотно лежали камни, удерживающие грунт. Теперь последнему прибежищу старика не страшны последствия от проливных дождей. Правда, вся эта красота сойдёт на нет, если не будет должного ухода. Но это уже не заботило Торена — главная цель выполнена. Ариман, безусловно, оценит хлопоты, оказанные для его старого друга, и это будет прекрасным подспорьем для совместного, делового сотрудничества.

Не хватало лишь какой-то мелочи. На полях, за погостом, раскинулось поле луговых цветов. Они бы прекрасно закончили картину. Тяжело вздохнув, Торен вытер лицо и отправился на склон.

Даже в таком обречённом месте, как этот остров, осталось место для красоты. Всё было усеяно разноцветными бутонами, покрывающими землю, подобно расписному ковру. Пастырь, словно замороженный, смотрел на величие природы и долго не решался нарушить его своим вмешательством.

Шагнув вперёд и прервав гармонию, он опустил руки. Цветы нежно касались ладоней, будто бы приветствуя гостя. Время потеряло счёт. Торен даже не заметил, как насобирал душистый разноцветный букет. Украв частичку прекрасного, он нехотя повернул обратно. Может, дать цветам прижиться на могиле Мираса?

Размышления нарушил знакомый голос Джека:

— Пастырь! Помоги нам!

Торен, словно вкопанный, замер на месте. Только сейчас он заметил, что стоит среди могил, а у обители, на ступенях, сидит Джек, придерживая голову обмякшему юноше.

— Он не дышит. Быстрее!

Совладав со своим ступором, Торен бросил букет и кинулся на помощь. Но стоило им встретиться, как вопросов стало куда больше. Слух не подвел его, и вправду, это был Джек, но его внешний вид чуть было не заставил Торена вздрогнуть.

— Что с ним?

— Не знаю. Мы всю ночь бежали к Вам, а под конец пути он упал без сознания.

Торен отодвинул трясущегося от волнения Джека, наклонился к юноше и некоторое время слушал его дыхание. Затем положил руку на лоб бедолаге.

— Он перегрелся и обессилен.

— Он умирает? — вымолвил Джек.

— Нет. Ему нужен отдых и, желательно, не на солнце. Помоги перенести его в подвал. Прохлада и крепкий сон должны помочь.

Торен оставил гостей в подвале своего прихода и дал возможность выспаться. После скромного ужина он решил расспросить их о случившемся. Джек начал с истории Ариса, своего брата. Рассказал о том, как и когда он оказался в лагере, и каких усилий стоило

Джеку выкупить молчание и расположение Винса.

Затем поведал о бунте и его последствиях. О кровавой бойне и смерти Гарри. Всё складывалось куда хуже, чем Торен мог себе предположить. Но верить в услышанное он отказывался, слишком оно напоминало бред сумашедшего. Доказательств правдивости не было.

В голове сложилось своё видение истории. Джек, не в состоянии смириться с участью брата, решил устроить побег. Легенда про бунт вписывалась сюда более чем правдоподобно. Кровь на одежде и руках могла принадлежать случайному стражнику, заставшему их при бегстве. Правда, сидя напротив Джека, пастырь не мог представить, чтобы тот мог хладнокровно расправиться с вчерашними братьями по службе. Но на что способен человек в своём стремлении к свободе, можно было лишь гадать.

Но самым странным показалась последняя часть рассказа двух беглецов. Твари, монстры, демоны. Так они описали те немыслимые убийства, что постигли весь гарнизон. Лица и эмоции говоривших при этом были искренними, и распознать в них ложь Торен никак не мог.

— Бежим завтра с нами, пастырь! — неожиданно прозвучало предложение Джека.

— Я не могу, — только и смог вымолвить Торен.

— Но почему? Разве ты не понимаешь, что любой, кто останется на этом острове, обрекает себя на смерть?

Торен находился в полном смятении и лишь мотал головой, не соглашаясь с каждым доводом и предложением собеседника.

— Он нам не верит, — совершенно спокойным и рассудительным голосом подметил очевидное Арис.

Нелепое молчание повисло в комнате, и с каждой минутой тишина становилась всё более невыносимой.

— Простите, но мне, действительно тяжело поверить, в вашу историю. Но дело не только в этом. Я назначен Советом настоятелем в эту обитель. Мой побег будет расценен как отступничество. Я стану преступником, а вы и сами знаете, куда попадают подобные личности.

— Но, оставшись здесь, ты погибнешь! — не скрывая эмоций, выкрикнул Джек.

— Выбор уже сделан. Пойду проверю, заперта ли дверь, — Торен направился к выходу, стараясь не встречаться взглядами с гостями.

Стоило ему выйти за стены обители, как вечерняя прохлада тут же окружила его. Свежий воздух помогал собраться с мыслями. Как же они убедительны! Ещё чуть-чуть и Торен был готов поверить в немыслимых созданий. Даже если твари — лишь плод воображения, и наяву это просто кучка головорезов, перспектива встречи с ними не сулила ничего хорошего.

— Спаситель, да за что мне это всё? — с горечью в сердце высказался Торен.

— И что, он тебе отвечает?

Пастырь обернулся, но за спиной виднелся лишь тёмный вход в обитель.

— Не туда смотришь, пастырь. Я здесь, — со стороны улицы опять раздался голос говорившего.

Торен окинул взглядом погост и увидел, как среди могил возник силуэт невысокого мужчины.

— Только без глупостей, а то придётся спустить тетиву.

Угроза возымела действие, и настоятель послушно замер на месте, отказавшись от мысли кинуться под защиту стен. Фигура медленно приближалась, и вскоре свет от маяка вырвал из мрака загадочного гостя. Горбун Райли. В руках у него был небольшой самострел. Внешний вид не сильно отличался от Джека и его брата. Вся броня была залита кровью и грязью. Глаза, словно у бешеного пса, рыскали из стороны в сторону.

— Кого ты там приютил? Не вздумай врать, — указав в сторону храма, спросил Райли.

Торен не успел ответить. Из-за спины раздался голос Джека:

— Смотрю, ты всё-таки выжил.

— А ты сомневался? Давай выходи, не пристало тебе прятаться за спиной святоши, — горбун направил оружие в сторону дверного проёма.

— Ты прав.

Джек решительно вышел навстречу своему сослуживцу, пренебрегая угрозой быть застреленным.

— Как ты выжил? — спросил он.

— А ты сам-то как думаешь? — огрызнулся Райли.

— Сбежал...

— Кто бы говорил. Твои пятки первыми покинули лагерь.

Джек спокойно отнёсся к обвинениям, просто промолчал.

— Я бился с этими отродьями в шахте, пока твоя задница прохлаждалась на поверхности, — зарычал горбун.

Торен видел обезумевший взгляд и радовался, что самострел больше не смотрит в его сторону.

— Я выполнял приказ. Ты слышал, что я хотел пойти с вами, но Гарри запретил.

— Ах, Гарри. Его больше нет, и теперь некому заступиться за тебя, малыш.

— Я и сам могу за себя постоять.

— Это мы скоро увидим. Они идут сюда. Посмотрим, как ты запоёшь.

— Кто идёт? Демоны?

— Все! Они все идут сюда! — словно безумный рассмеялся горбун.

— Кто это все?

— Ещё немного и сам увидишь. А теперь говори, где лодка?

— Здесь нет лодки.

— Паршивый лжец! — рассвирепел Райли и направил самострел на Джека.

— Завтра придут контрабандисты, и мы все отсюда уплывём. Ты только самострел опусти, чтобы не наделать непоправимого, — успокаивал буйного сослуживца Джек.

— Ты что, глухой? У нас нет столько времени, бежать нужно сейчас.

— Повторю, лодки нет, — собеседник пожал плечами.

— Мы все покойники! — закричал Райли и, опустившись на колени, зарыдал, словно мальчишка.

Джек подошёл к нему и, забрав оружие, начал успокаивать. Подняв отчаявшегося, он повёл его в храм. Райли твердил лишь одно:

— Покойники. Покойники. Мы все покойники.

Вскоре все оказались в главном зале обители. Райли сел на ближайшей скамье, рядом расположился Джек и плеснул ему вина. Арис стоял в центре и разглядывал мозаику. Все погрузились в свои мрачные мысли, не решаясь прервать тишину. Первым заговорил Торен. Ему не терпелось расспросить горбуна, который уже пришёл в себя после недавней

истерики.

— Райли, о ком ты говорил на улице? Кто идёт сюда?

— Да, расскажи, что ты видел. Нашему рассказу пастырь не поверил, — поддержал вопрос Джек.

— Вы хотите знать, что я видел? Что же, я расскажу. Но знайте, того, кто скажет, что я спятил, клянусь, придушу на месте.

Торен понял, что Райли говорил о нём.

— Так вот, слушайте. После обрушения подъёмника мы посчитали, что опасность миновала. Но ошиблись. Вскоре твари вылезли наружу и продолжили кровавую бойню. Те из нас, кто ещё держался на ногах, бросились к северным воротам. Я побежал со всеми. Мы надеялись спастись в порту.

— А что с ранеными? — поинтересовался Джек.

— Какие к чёрту раненые? — огрызнулся горбун. — Всех перебили. Но нас преследовать упыри почему-то не стали. Мы добрались до причала и уже было обрадовались своему везению. Но и тут мы просчитались. Они знали, что нам не выбраться с этого проклятого острова. В порту стоял тот самый корабль. Я смекнул, что дело неладное и укрылся за сараем. Никто из наших не услышал моих опасений. Все рванули к кораблю. Стоило им приблизиться, как твари с борта кинулись на выживших. Крики. Кровь. Это было ужасно. Но это было только начало. Вдруг раздался ужасный свист. Что-то накинuloсь на нас с высоты. Оно хватало воинов, поднимало ввысь, и вскоре уже мёртвые тела падали на землю. Все бросились кто куда. Кто-то, обезумев от страха, кидался в воду, но тут же тонул под тяжестью доспехов. Кому-то удалось укрыться в ангаре. Но недолго они там просидели. Твари пробились внутрь, и вскоре всё запылало ярким пламенем. Я кинулся прочь. Если честно, я даже не помню, как смог добраться сюда. Но по пути я успел заметить, как огромное количество людей, подобно темной реке, потянулось вслед за мной.

— Сколько они будут идти?

— А я-то почём знаю? — Райли находился на грани очередного срыва.

— Теперь ты мне веришь? — повернувшись к Торену, без укоризны спросил Джек.

Пастырь находился в смятении. Слова Райли не расходились с рассказом братьев. Но как в такое можно поверить? Разум не мог принять всерьёз услышанное, поэтому вопрос Джека остался без ответа.

— Как такое вообще возможно? — чуть не крича, обратился к Торену горбун.

— Не знаю.

— Ну так узнай! Поройся в своих грёбаных книгах! Там, наверняка, что-нибудь написано.

— Успокойся. Он тут ни при чём, — вмешался Джек.

Торен пропустил мимо ушей перепалку двоих сослуживцев и в отчаянии опустился на пол, словно силы в миг покинули его.

— Как странно. Вы видите? Они словно живые, — Арис не участвовал в споре, продолжая стоять в центре зала, и заворожено смотрел в потолок.

— О чём ты, брат?

— Мозаика. Она меняется, — юнец указал вверх.

Все быстро подскочили к нему и уставились туда, куда смотрел брат Джека. Действительно, маленькие кусочки мозаики быстро мелькали и выстраивали новую картину на потолке. Детали, подобно тараканам, мельтешили по потолку. Сперва никто из

смотревших не мог понять смысл происходящего. Спустя время, некоторые кусочки застывали на месте и переставали двигаться. Оставшиеся присоединялись к уже занявшим своё место деталям, складываясь в новую картину. Вырисовывался образ маяка погруженный в ночную тьму. На пороге храма стояла одинокая фигура в чёрном облачении, воздевая свои руки к небосводу. Свет от маяка был погашен, а во тьме, кружившей вокруг, прорисовывались образ людских фигур.

— Что за... — удивился Джек.

— Что творится с твоим храмом?

Торен был удивлён не меньше остальных.

— Я говорил, нужно бежать отсюда и чем скорее тем лучше, — Райли сорвался с места и кинулся наружу.

— Да стой ты, — Джек попытался остановить безумца, но безуспешно.

Торен и Арис поспешили за ними. Джек уже скрутил убегающего Райли, и они оба боролись на земле.

— Брат, помоги мне удержать этого психа.

Арис кинулся на помощь. Вдвоём им удалось справиться с брыкающимся горбуном. Пока все были заняты, пастырь заметил, как на границе света от маяка и ночной тьмы застыла фигура и наблюдала за всем происходящим. "Не может быть" — подумал Торен.

— Может, — раздался знакомый голос Аримана.

— Ты пришёл спасти нас?

Борьба с Райли закончилась, и все трое повернулись в сторону настоятеля.

— С кем ты говоришь? — удивился Джек.

— С Ариманом, — спокойно ответил Торен и указал в сторону могил.

— Кто ты? — заметив нового гостя, спросил старший из братьев.

— Расскажи им.

— Это Ариман — барон здешних земель.

— Что? О чём ты?

— Он пришёл нас защитить.

— Всё, верно, пастырь, я твой спаситель. Иди же ко мне, верный слуга.

Торен медленно направился навстречу протянутой руке. Оставалось пара шагов, как вдруг сильный рывок потянул его обратно. Нечеловеческий визг наполнил всё вокруг, и из-за спины Аримана показались ожившие мертвецы. Только сейчас Торен понял, как близко он был к смерти. Если бы не помощь Джека, то не миновать бы ему встречи с покойниками.

— Скорее внутрь!

Пастыря, словно ребёнка, волокли сильные руки Джека под своды храма. Соратники уже добрались до убежища. В голове у Торена звучал голос барона "Останься".

Двери захлопнулись, и Райли тут же опустил засов.

— Они пришли за нами. Я говорил! Я говорил! — истерил горбун.

Торен сидел, оперевшись о стену и не обращая внимания на своих спутников. Перед глазами застыл образ Аримана.

— Почему ты отверг моё предложение?

— Кто ты?

— Ты знаешь, кто я, — спокойно ответил барон.

Они стояли на погосте возле входа в обитель, объятые ночной тьмой. Рядом никого не было.

— Где все?

— Неподалёку.

— Джек! Арис! — во весь голос закричал Торен.

— Твои друзья сейчас бурно спорят о том, как спастись. К сожалению, они не знают, что все их усилия напрасны, — Ариман присел рядом на ступени прихода.

— Как такое возможно? — осматриваясь, недоумевал настоятель.

— Это несложно, — барон достал свою трубку и начал неспеша набивать её табаком, — но об этом позже. Лучше ответь на мой вопрос, а то я не понимаю. Почему ты отказался от моего предложения?

— Ты обманул меня. Врал, что барон, значит, врал и про всё остальное! — вспыхнул Торен.

— В моих словах не было лжи. Ты просто не так меня понял.

Трубка была уже забита, и Ариман принялся раскуривать её. Вид безмятежно сидящего и курящего собеседника выводил из себя пастыря.

— Не так понял? Разве можно было понять твои слова иначе?

— Хорошо, давай начнём с начала, — улыбка растянулась на лице лжеца. — Оглянись вокруг. Всё, что ты видишь принадлежит мне. Да, не по праву рождения. Я просто забираю, что мне нужно, силой. Ты уже слышал, как гарнизон из более чем двухсот воинов был уничтожен. Шансов у них не было. Пойми, это лишь начало нашего восхождения. Все мелкие графы и великие короли падут либо примкнут к нам, если я дам им такой выбор, какой дал тебе.

— Но зачем я тебе?

— Не перебивай!

В глазах Аримана на мгновение вспыхнула ярость, но тут же угасла.

— Я обещал тебе приход. Вот он, за спиной. Забирай. Ты думаешь, он не достоин тебя? Верно. Но я привёл паству. Они будут внимать тебе беспрекословно. С ними ты воздвигнешь такой собор, каких не было и не будет. Мы договаривались, что при следующей встрече я заберу тебя. Вот, я здесь, протягиваю тебе руку. А что делаешь ты? Отвергаешь мой дар и прчешься за стенами храма. Получается, я ошибся в тебе?

— Но я не этого хотел.

— Странно. Мне казалось, что ты всем сердцем желал власти. Я могу дать куда больше. Власть, которую ты даже не силах представить.

— Но зачем она мне?

— Для чего? — Ариман не сдержался и рассмеялся в глаза Торену. — С её помощью ты сможешь наказать их всех. Всех, кто пренебрегал тобой, унижал, издевался. Разве не об этом ты мечтал? Это из-за них ты здесь, выкинутый на задворки своей Церкви.

Торен старался не встречаться взглядами с Ариманом. Его слова обжигали, царапали душу, вскрывая почти зажившие раны.

— Знаешь, ведь помимо власти ты мог получить то, о чём мечтают многие. Вижу, что ты уже понял, о чём речь.

Слова застряли, подобно куску хлеба в горле.

— Бессмертие?

На лице Аримана появилась самодовольная улыбка.

— Бессмертие, власть, сила. Разве может что-то ещё сравниться с этим.

— И что же ты потребуешь взамен? — стоило задать вопрос, как нечто холодное

коснулось его души.

— Цена всё та же — верность.

Ариман был так честен и открыт.

— Разве это возможно? — глаза пастыря желали ответов.

— Ещё как, — друг продолжал курить трубку.

— Но если...

Торен не успел закончить. Послышались знакомые голоса.

Взгляд прояснился, а мир вокруг начал растворяться. Размытый образ Аримана вскочил и рванулся к своему собеседнику. Когда между ними оставалось несколько шагов, он пропал, как и всё остальное. Знакомые стены обители вернули его в реальность. Спутники разговаривали на повышенных тонах и были на грани ссоры.

— Да это он во всём виноват! Ты видел, что он знаком с этим ублюдком! — напряжённый как струна, кричал Райли.

— Ты бредишь.

— Пошли вы все!

Последние слова Райли прозвучали как руководство к действию, и сильнейший удар снизу прилетел прямиком в челюсть стоявшего рядом Джека. Неведомой силой его оторвало от земли и опрокинуло за скамью.

— Чтоб ты сдох, святоша! — Райли вскинул самострел.

Только Торен успел подняться на ноги, как тут же ощутил острую боль. Оперение болта торчало из живота. По рубашке потекли алые ручейки. Дальнейшие события туманом проносились через сознание. Лишь отрывками он мог уловить суть происходящего.

На горбуна накинудся Арис. Завязалась борьба. Юноша смог свалить соперника на пол.

Задыхаясь от боли, Торен пополз в сторону двери. Скинув засов, он выбрался под свет горевшего маяка. Свежий воздух придал сил, но ненадолго, жизнь покидала настоятеля. Сознание пронзил крик отчаянья "Я не хочу умирать!"

Райли поднялся, сжимая в руке окровавленный кинжал. Под ним лежал мёртвый Арис. Юноша проиграл матёрому надзирателю каменоломни.

— Ты ещё жив, собака? — озверевший убийца направился к Торену.

Глухой удар разнёсся по обители. Полетели щепки. Райли зашатался, выронил нож и упал на колени. Сильные руки Джека схватили его и резким движением свернули шею. Смерть была быстрой. Сквозь пелену до слуха пастыря донёсся крик отчаяния. Брат оплакивал брата, отказываясь верить в его смерть.

Губы Торена еле слышно шептали:

— Я согласен.

— Не всё так просто, — отозвался Ариман.

— Но я согласен!

— Ты должен заплатить за свой отказ, — с этим голосом нельзя было спорить.

— Я заплачу. Но как?

— Ты знаешь плату.

— Но... я не... смогу.

— Сможешь, только нужно сделать выбор.

Большая лужа крови уже успела собраться под телом обессиленного пастыря, как вдруг он услышал Джека:

— Он убил брата.

Его лицо было заплаканное, а глаза переполнены болью.

— И тебя подстрелил? — он осмотрел живот раненого.

Торен хотел что-то сказать, но силы были уже на исходе, расслышать было невозможно.

— Молчи, я сейчас помогу.

Джек попытался поднять Торена, но вдруг остановился. Раскрытые от удивления глаза уставились на умирающего настоятеля. Он отшатнулся и попятился назад. В груди, там где находилось сердце, торчал чёрный кинжал.

— За что? — последнее, что успел сказать Джек.

Бледные губы Торена без устали шептали "прости". Он не знал, откуда взялся нож. Не ведал, как хватило сил, но рука, будто ведомая чужой волей, вонзила вложенное в неё оружие прямо в сердце склонившегося Джека.

Застывшие глаза убитого смотрели с осуждением, проклиная за содеянное. Но такова была цена. Торен принял ее.

Неспешно Ариман приблизился к своему слуге.

— Молодец, — похлопав по плечу, одобрительно сказал он. — Не волнуйся, я держу слово. Ты будешь жить, но прежде твоя душа должна переродиться — он вытряхнул пепел из трубки, — через смерть твоего тела.

Подобно насмешке прозвучали последние слова хозяина, и на глаза Торена навалилась тёмная пелена.

Чёрная пелена неспешно окутывала бескрайний небосвод, затмевая собой солнечный свет. Мир менялся, отрицая прежние заветы бытия. Что-то невиданное и жуткое прятала в себе тьма.

Ариман наблюдал за переродившимся пастырем. Тот стал на ступени обители и, окружённый новой паствой, возвёл руки к небесам. Его лицо было мертвецки синим, глаза закрыты. Облачённый во всё чёрное, он что-то медленно шептал. Спаситель был отвержен его душой, уступив место новой госпоже.

— Ты неплохо справился, — за спиной Аримана возник силуэт воина в массивной, цвета угля, броне.

— Благодарю, — лесть Небироса вызвала на лице самодовольную улыбку.

— Я думал, ты потерпишь неудачу, но признаю, твой успех застал меня врасплох. Поделишься со своим старым другом, как за неполные десять дней удалось заставить эту душу склониться?

— Десять дней? — Ариман рассмеялся во весь голос.

— Разве я сказал что-то смешное? — лицо говорившего мгновенно приняло суровый вид.

— Мой смех вызван твоим неведением, не более того, — Ариман постарался не распылять суровый нрав собеседника. — Ты — лучший воин и стратег нашей госпожи. Тебе неведом страх и компромисс. Это признают даже твои враги. Но тут совсем иное.

— И что же? — лишь фыркнув на сказанное, чуть смягчился Небирос.

— Сказав про десять дней, ты был не прав. Пятнадцать лет я словно гончар ваял из него своё творение. Прикинувшись монахом, я выкупил его у семьи, которая погрязла в долгах. Чтоб ты знал, долги ведь тоже не просто так появились у них. Но не будем об этом. После была учеба в церковной школе, и даже там я не отпускал его. Почти все переломные моменты для его души, были подведены мной. Ссоры и пренебрежения учеников, разногласия с наставниками. Я пристально следил за тем, дабы его душа была одинока, ведь так проще было управлять им. Посеянные мной зёрна грехов, пороков и сомнений, с каждым годом, прожитым Тореном, возвращались и тянулись не ко свету, а к тьме. Затем — назначение. Нерадивый и замкнутый ученик был идеальным кандидатом на этот приход. Правда, для такого решения Совета мне пришлось приложить немного своего обаяния. Дело оставалось за малым. Смерть Мираса лишила Торена наставника, который мог повлиять на его идеалы. Стоит признаться, старик был той ещё занозой. Я видел, как ты потерпел поразительную... - не став договаривать фразу, Ариман продолжил. — Упёртый он был, поэтому я и убил его.

— Не напоминай. Даже когда он лежит в могиле, мне тошно смотреть на неё. Так и веет святостью. Мне самому стоило его убить, ещё раньше.

— Вот тут я рад, что ты этого не сделал. Тогда, боюсь, мой Торен мог и не попасть сюда. Всё нужно делать вовремя, не раньше и не позже.

— Вот поэтому ты и не командуешь легионами, а лишь прячешься в тени, — в словах командующего улавливалось осуждение.

— Каждый должен заниматься своим делом, — пожав плечами и не став вступать в

спор, ответил на упрёк Ариман.

— Ты лучше скажи, как скоро он будет готов к нашему нашествию?

— Ещё пару дней. Он полностью переродится и овладеет своей силой.

— Меня мало волнуют его силы, важно лишь одно. Тьма будет стабильной? Мои войны смогут начать завоевание ближайших земель?

Ариман несколько минут молча смотрел на Торена, творившего свой обряд и после сказал:

— Твоим воинам свет мешать не будет.

— Вот и славно, — предчувствуя скорую резню, улыбнулся Небирос.

— Только не переусердствуй. Нам ещё нужно дождаться, когда придут новые личи, а то Торен один не справится.

— Я и сам знаю, — огрызнулся полководец.

— Хорошо.

Они ещё некоторое время смотрели на луч маяка, устремлённый ввысь, откуда по небосводу расползлась тёмная пелена.

— Как думаешь, не ошиблись мы на этот раз? — начал Ариман.

— Ты про что?

— Про них.

— Если они оба тут, то поверь, я лично прикончу их. Головы этих трусов будут валяться у ног нашей госпожи.

— Только не забывай, сколько уже пытались снять с плеч их головы, а в итоге лишились своих.

— Это было давно, а те, кто пытались, были слабаками, — ответил на предостережения Небирос. — Чуть не забыл. Тебя ожидает госпожа.

Услышав последние слова полководца, Ариман тут же изменился в лице. Взгляд стал суровым и сдержанным.

— Зачем?

— Да ты, поди, испугался, — улыбнулся Небирос.

— Нет. Просто не люблю сюрпризы.

— Не бойся. Наверное, она просто хочет тебя наградить за твои труды.

— Я делал это не для награды.

— Вот и скажешь ей сам об этом, — уже не сдерживая смех, стал удаляться собеседник.

— Постой, — остановил его Ариман.

— Что ещё?!

— У меня для тебя подарок, — с ехидной улыбкой вымолвил он.

— Мне ни к чему подобное, — сухо ответил Небирос.

— Поверь, тебе понравится, — с этими словами Ариман стал рыться в висевшей через плечо сумке, извлек книгу и протянул её собеседнику. — Вот возьми.

— Что это? — удивлённо уставился на протянутую ему рукопись полководец.

— Записи твоего друга. Он записывал все ваши с ним разговоры.

— Мирас? — только и вымолвил Небирос.

— Именно. Этот дневник чуть было не порушил мой план. Благо, Торен не успел его прочитать и понять, что же тут происходит.

— Выкинь его!

— Не стоит так с подарком. — делая вид, что он обижен, в душе смеялся Ариман.

— Ладно, — выхватив из его рук дневник, заворчал Небирос. — Я сам решу, что с ним делать. А теперь иди, она ждёт тебя.

Вернув в недавние чувства своего собеседника, полководец зашагал к стоявшим подле Торена мертвецам, решив осмотреть своё ещё малое воинство.

Ариман, встряхнув плечами, взглянул на небосвод и, выдохнув, зашептал на странном наречии. Через минуту он обвёл руками большой круг, и воздух вокруг задрожал. Спустя мгновение пространство разверзлось, и перед ним открылся портал. На той стороне была непроглядная тьма, и он шагнул вперёд без доли сомнений. Образ тут же исчез. Портал стал уменьшаться в размерах и вскоре пропал.

Молчаливый наблюдатель, сидевший на краю крыши обители, встрепенулся и, расправив крылья, каркнул, взмыл в небо и стал удаляться от проклятого острова в сторону большой земли.

Больше книг на сайте - Knigoed.net